

№5

Май 2017

РУССКИЙ КЛУБ

С Днем Победы!

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАПИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5 (139)
Май 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ
ЕЛЕН ДОРИС
- 8 СЛОВО ОБ ОТЦЕ
ЛЕОНИД ДЖАХАЯ
- 10 ПРОЖИТЬ ЖИЗНЬ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 14 ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ
НИНА ШАДУРИ
- 18 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 25 «МНЕ КАЖЕТСЯ, Я РОДИЛАСЬ В ТЕАТРЕ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 30 ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ПРЕМИ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 34 ВОСПОМИНАНИЯ
ГАННА ЭЛИАВА-МАЛИЕВА
- 40 ДЕЖАВЮ
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 43 СЛОВО О СТАРИЦЕ
АРХИМАНДРИТ АДАМ (ВАХТАНГ АХАЛАДЗЕ)
- 46 ДЖОВАННИ ВЕПХВАДЗЕ – ХУДОЖНИК, ПОЛИГЛОТ, ПИСАТЕЛЬ
ГЕНРИЕТТА ЮСТИНСКАЯ
- 52 К 90-ЛЕТИЮ ТЕНГИЗА АМИРЭДЖИБИ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 54 ПРОЩАЙ ГИЯ, СПАСИБО ТЕБЕ!

На обложке – Вечный огонь

Фото Александра Сватикова

Петре Гвалия

ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ

■ Елен ДОРИС

Эта статья – дань памяти памяти и безграничного уважения всем сынам и дочерям великой страны СССР, которые не пожалели жизней во имя мира и процветания своих потомков, куда бы ни раскидала их судьба.

К 1 июля 1941 года в Грузии прошла первая всеобщая мобилизация, а потом, вплоть до окончания войны, этот процесс периодически повторялся. Всего из Грузии было призвано около 700 тысяч воинов, в том числе – 16 тысяч женщин. 300

тысяч бойцов домой не вернулись. Такое количество потерь (в процентном соотношении) не понесла ни одна другая страна в мире.

В тылу врага самоотверженно сражались партизаны: Петре Гвалия, Давид Бакрадзе, Сандро Чачхиани, Зоя Рухадзе, Ноз Кублашвили, Христофор Мосулишвили, Отар Ишхнели.

Гвардии майор Петре Тагуевич Гвалия, уроженец села Нахаребао Мартвильского района Грузии, прожил короткую, но славную жизнь, и погиб как истинный герой и мужчина, защитник и воин в решающих боях за Крым 9 марта 1944 года.

О военной службе Петре известно не много, но это был,

без сомнения, талантливый, уникальный человек – еще в довоенные годы он бывал за рубежом, знал десять (!) иностранных языков, включая немецкий, французский, английский, турецкий, румынский, персидский. В годы войны оказался в Крыму, где принял активное участие в организации партизанского движения. Судя по тому, что Иосиф Сталин в личной беседе с группой грузинских генералов и маршалов назвал Петре Гвалия «вечным героем», можно предположить, что он знал об этом человеке много больше, чем позволено говорить.

В жизни автора этих строк случилось немало интересных встреч. Одной из них стала встреча с дочерью Петре Гвалия Тамарой. В далекие 60-е годы прошлого века я, юная москвичка, приехала в Тбилиси к родственникам жениха, как говорится, на смотрины. Начались визиты. И вот я попадаю в семью Григория Габисония, министра просвещения Грузии, где знакомлюсь с его очаровательной невесткой Тамарой. Тогда-то она и рассказала мне свою историю, которую я, спустя десятилетия, и переносу на бумагу.

Мама Тамары – боевая подруга Петре Гвалия Зинаида. Тамара родилась через три месяца после гибели отца. Жила с мамой в Крыму. Дедушка и брат Петре, жившие в Нахаребао, знали, что в Крыму растет дочь героя. Как только обстоятельства позволили, они отправились на теплоходе в Крым. Тамара стояла на пирсе, в толпе встречающих, и дедушка сразу, еще с борта теплохода, узнал ее, настолько велико было сходство дочери с отцом. Судьба привела Тамару в Тбилиси, где она окончила медицинский институт, вышла замуж, родила троих сыновей, троюродных братьев моей дочери Ольги. Сейчас ни Тамары, ни ее мужа уже нет в живых. Старший внук героя, названный в честь деда Петром, живет в Крыму...

Петре Гвалия похоронен в Симферополе, на воинском кладбище. В семье бережно чтут его память. В Мартвильском музее хранятся документы, рассказывающие о его

жизни и подвиге. В Крыму, в 15 километрах от села Партизанское, возвышается обелиск с надписью «Партизанам и партизанкам, павшим смертью храбрых в боях против фашистских оккупантов». Третьей в списке из 17-ти фамилий стоит фамилия Гвалия.

Обелиск стоит на месте, где развернулся один из самых знаменитых боев Великой Отечественной войны – Бешуйский. Бой у деревни Бешуй прославился тем, что партизаны разбили целую немецкую дивизию, практически не понеся серьезных потерь.

8 февраля 1944 года при поддержке артиллерии около полутора тысяч фашистов вошли в лес с карательной экспедицией против партизан. В Бешуйском бою, который длился три дня, участвовали отряды под командованием Петре Гвалия, Николая Дементьева, Матвея Гвоздева, Георгия Грузинова.

Прекрасно зная местность, партизаны устроили ловушку для фашистов. Умело маневрируя на местности, они применили тактику «заманивания»: увлекли немцев за собой в узкую лесистую ложбину речки Сухой Альмы, к горе Абдуга. Потом над лесом взмыли две красные ракеты – сигнал к общему бою. Вырваться из ложбины, находящейся под обстрелом партизан, фашисты не смогли. Около четырехсот восьмидесяти врагов были убиты, триста пятьдесят ранены, двадцать семь взяты в плен. Партизанам также досталось много лошадей и немецкой техники – автомашины, пулеметы, рация, автоматы. Партизаны в этом бою потеряли восемнадцать человек, тридцать пять были ранены.

И это – только одна страница из боевой биографии Петре Гвалия.

О его подвигах, о героической мученической гибели не раз писали газеты и журналы бывшего СССР. Сегодня мы делимся с вами подробностями, которые почерпнуты из личных рассказов боевых друзей героя. Большая их часть публикуется впервые.

Из воспоминаний Давида Кашия: «В 1942 году я попал в

плен... В лагере мы были в неопишуемых условиях: голод, грязь, побои. Там я познакомился с Петре Гвалия и другими друзьями. Под руководством Гвалия мы бежали из лагеря... Нас было 27 человек. Гвалия построил нас по двое и отдавал команды по-немецки, как будто мы были добровольцами. Так мы смогли до рассвета добраться до крымского леса. Там мы провели полтора месяца без оружия, без еды и воды. Питались травой и плодами. Через несколько дней нам удалось захватить у немцев несколько подвод: Гвалия сказал немцам, что ведет пленных, мы прошли с ними примерно 3-4 км, по сигналу Гвалия отобрали у них оружие и на месте уложили 9 человек, включая командующего. Нагруженные подводы увезли вглубь леса... На второй день вооруженные немцы ворвались в лес искать нас. Они нас нашли, но были на возвышенности и не могли в нас прицелиться, а мы отвечали им трофейными гранатами и ружьями. Гвалия отдавал такие команды на немецком и румынском, как будто нас было

несколько сотен. Немцы и правда думали, что нас много, решили, что это десант высадился, и в 4 часа дня отступили... Потом в сражениях мы добыли много боевого оружия и продуктов и стали еще сильнее... Проводили агитацию в деревнях, и многие присоединились к нам. Во время выполнения операций мы пользовались добытыми немецкими формами... Наши действия стали известны группе партизан, созданной в 1941 году. Оказывается, они нас искали. Мы объединились и всем штабом пошли в Ялту на Черную гору. Нас прозвали группой грузинских партизан. Наша партизанская часть состояла из 400 человек. После нас разделили на группы, и главой нашей группы назначили П. Гвалия. Партизанский штаб давал нам задания по направлению Бахчисарая и Севастополя... Храбрость и решительность грузинской партизанской группы наводила страх на немецких фашистов. Вместе с Гвалия мужественно воевала его супруга Зина Дуляпова... В марте 1944 года нас взяли в окружение. Они

Память о партизанском движении сохраняется в музейной экспозиции

были в партизанской форме, и мы обманулись. Гвалия решил, что это 5-ая группа партизан... Когда пришли в лес, примерно с 20-ти метров по нам открыли огонь. Мы прыгнули в ров, по нам стреляли, сам не знаю, как выжили. Мы потеряли из виду Гвалия и Зину. В течение двух часов штаб выделил отряды №11, 5, 6, 7, 8 на их поиски. В то же время в Бахчисарай, Симферополь и Севастополь отправили детей-разведчиков, чтоб узнать, не вводили ли в какой-нибудь из этих городов Гвалия и Зину. Оказалось, пленную отправили в Симферополь, а Гвалия похоронили живо. Зине удалось бежать от фашистов и присоединиться к нам. Она нам сказала, что могила Гвалия заминирована. Мы разминировали могилу, достали тело и похоронили в лесу... Враг начал отступать. 13 апреля мы присоединились к грузинской дивизии. Командирами были Курашвили и Джанджгава. По их приказу Гвалия перезахоронили в Симферополе».

Из письма боевых товарищей Петре Гвалия: «Крымской земле мы предали много боевых товарищей, и среди них – наш командир Петре Гвалия. Петре стал жертвой предателя, пробравшегося в наш отряд. Перед последним боем Петре писал своим товарищам, ушедшим на задание: «Здравствуй-

те, товарищи! Возможно – это последнее приветствие. Мы в сильном окружении. Не падайте духом. Тем, кто сражается за родину, смерть не страшна. И если смерть обязательна, она должна быть мужественной. Если я вдруг паду на поле боя, напишите про наши битвы моим родителям, моему учителю, а после победы живите и радуйтесь на родине. Проведайте мою маму и не пожалейте для нее слез вместо меня. Через несколько десятков лет я снова вернусь к вам на родину, повидаю вас и обниму. Настал решающий момент отмщения под лозунгом: «Как в Крыму – так и в Берлине!» Будьте бодры. Ваш Петре».

Глава и организатор грузинского партизанского отряда в Крыму Петре Гвалия во время отдыха часто вспоминал школу, родителей, деревню... С большой любовью рассказывал о героях гражданской войны: Буденном, Чапаеве, Щорсе, Киквидзе. Больше всего он любил Буденного. Перед каждой операцией повторял: «Быстро принятые решения захватывают города. Так говорил и действовал Буденный». Он часто повторял, что хотел бы быть участником гражданской войны, что не пожалел бы жизни ради дела Ленина и Сталина и сетовал, что поздно родился. А в последний период партизанских боев Петре часто давал нам наставле-

ния: каждый человек рождается в свое время, в свою эпоху. Дело не зависит от времени. Если человек не пожалеет сил и отваги, всегда есть время для борьбы и труда на благо родине и своему народу.

Нашему отряду присвоили имя Петре Гвалия. Мы присоединились к частям Красной Армии и вместе с ними плечо к плечу сражались с врагом.

Мы пишем это письмо, согласно завещанию Петре, чтобы его самоотверженность и героизм были переданы нашему народу, дабы его могилу каждой весной украшали цветами будущие поколения.

Состав отряда называл П. Гвалия майором. Члены отряда носили одежду двух видов – партизанскую с красной лентой и немецкую форму, которую одевали во время выполнения задания, особенно во время разведки.

Отряд Гвалия постепенно рос за счет местного населения и попавших в те местности грузин. Отряд вырос до сотни, а потом и до тысячи. Петре со своими товарищами был везде. Он ходил в деревни, на станции, был в близких отношениях с местным населением, освобождал пленных, которых немцы заставляли работать, как рабов, подначивал население, чтобы те давали отпор врагу. Таким образом он спас несколько сотен товарищей.

... В начале февраля 1944 года на станциях и в деревнях развесили вот такие объявления:

«Всему населению Бахчисарая и Ялты! – во время уничтожения партизанской банды смогли укрыться несколько человек под руководством Петре Гвалия, в основном грузины, которые постоянно громят местное население и наносят вред немецкому порядку. Замечено, что с этой бандой связаны и помогают им несколько большевистских сволочей из вашей деревни, в связи с чем приказываем:

Тот, кто поймает главу банды Гвалия, в награду получит 15 000 марок, дом, пять гектаров земли и инвентарь – оборудование в постоянное пользование.

Рядовые партизаны, которые раскаются в совершенных преступлениях, явятся к нам, укажут местоположение банды и помогут нам, получат помилование и 15 000 марок.

Граждане, которые помогут нам и укажут местоположение банды, получат 10 000 марок и похвалу.

Граждане, которые будут уличены в том, что они могли исполнить указ, но не исполнили, будут расстреляны вместе с семьей с конфискацией имущества.

Деревни, которые окажут какую-либо помощь банде или ее отдельным членам, будут сожжены и уничтожены»...

В начале 1944 года в семье союзника группа партизан встретила с женщиной по имени Аня, которую пытали немцы. У Ани на груди была выжжена звезда. Измученное лицо говорило о том, что ее жестоко пытали немецкие палачи. Партизаны забрали Аню к себе и зачислили в отряд Гвалия.

Аня в лучшем виде приняла первое партизанское крещение, точно и хорошо выполняла все партизанские задания и пользовалась доверием и авторитетом.

В феврале 1944 года атака немцев на грузинских партизан усилилась. Враг выделил специальные подразделения с танками и самолетами против отряда Петре Гвалия. Враг не давал нам покоя. Отряд был вынужден часто менять местоположение.

Но всех удивляло и заставляло задуматься следующее обстоятельство: изменение расположения отряда партизан происходило секретно и в недоступных местах. Несмотря на это, они не успевали обосноваться на новом месте, так как их местоположение становилось известно немцам.

8 марта ночью полк врагов окружил отряд партизан. Вопрос стоял так – быть или не быть. Петре решил прорвать окружение врага и переместиться на новое место. Выявили относительно слабое место у врага и всеми силами атаковали его. Окружение было прорвано. Основная часть отряда уже была в безопасности,

Возложение цветов к могиле партизан

оружие и патроны вывезли на обозах. Последним поле боя покинул Петре, с ним были комиссар, Зинаида и группа под руководством Джгаркава.

Группа партизан, шедшая впереди Петре, вышла из окружения так, что по ним ни разу не выстрелили. Оказалось, шпионы были внутри, а враги снаружи следили за Петре и ради маскировки не стали стрелять по шедшим впереди партизанам.

Оставалось перебежать небольшую поляну. Как только Петре с товарищами вышли из леса, по ним открыли перекрестный огонь из пулеметов, и им пришлось вернуться в лес. Они ползком и перебежками пересекали возвышенность. Петре подбадривал товарищей: «Родина и народ смотрят на вас, не бойтесь, друзья мои, тот, кто испуган, наполовину повержен, кто идет вперед, того ждет одна роковая пуля, а за тем, кто убегает, летит тысяча пуль».

Первым пересек Джгаркава на лошади, перебежали комиссар и бойцы. В этот момент Петре был ранен в правое плечо – но не вражеской пулей, а со спины, от руки пробравшейся в отряд предательницы Ани. Та же злая рука ранила Петре в левую ногу, и он упал без чувств. Рядом с ним осталась Зинаида, остальные уже покинули поле боя.

Враг торжествовал. Петре

Гвалия и Зинаиду немцы взяли в плен. Все офицеры-фрицы хотели увидеть человека, который на протяжении двух лет навел ужас на фашистов.

Немцы не смогли переманить Петре никакими обещаниями и похвалами. Фашистский офицер отдал приказ: отрезать Петре руки и ноги, выколоть глаза, вырезать язык и закопать заживо...

Подписано: Давид Кашия (р-он Самтредиа, село Баша), Володя Джгаркава (Гегечкорский р-он, село Абедати), Володя Нущубидзе (Ванский р-он), Иосиф Чхаидзе (р-он Махарадзе), Ноэ Махвиладзе (Кутаиси), Коля Никурадзе (р-он Абаша), Володя Гурушидзе (Кутаиси), Гогия Эуашвили (Тбилиси), Миша Гигая (Тбилиси), Шота Буадзе (Зестафони), Литвинов, комиссар, Зинаида Дуляпова (Бахчисарийский р-он)».

В год столетия Октябрьской революции Центр изучения культурно-исторического наследия «Колхидская Роза» (ColhetisVardi) выходит с инициативой к руководству Российской Федерации присвоить Петре Гвалия звание Героя России. Надеюсь, что общественность Грузии нас поддержит.

Вечная слава героям, погибшим во имя жизни!

Григорий Джая (справа) на фронте

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

■ Леонид ДЖАХАЯ

Мои детские и отроческие годы пришлось на 1941-1945 годы, вошедшие в историю как Вторая мировая война. Мой отец, Григорий (Гриша) Игнатьевич Джая, ушел на фронт сразу же после объявления войны, помнится, не дожидаясь повестки из военкомата о призыве, просто само собой разумеется, что раз война, то все молодые, здоровые мужчины должны идти воевать, а мой отец как раз был и молодой, и здоровый, – ему в тот год исполнилось 36 лет. Импульсом служило, помимо обычного в те годы советского патриотизма, еще и то обстоятельство, что призывной пункт в нашем городе Сухуми находился совсем рядом, через улицу наискосок, во дворе грузинской школы, и мы три дня подряд всей семьей ходили провожать отца с его скромным вещмеш-

ком, перекинутым за спину, но я ни тогда, ни потом понятия не имел, что там было: вещевой мешок собирала мама под папиным руководством, а нас, детей, от этого дела отстранили. При большом числе призывников, резервистов и добровольцев отцу удалось записаться только на третий день, то есть 25 июня. Хорошо помню, это был жаркий день, солнце пекло немилосердно, укрыться было негде, тогда на этой улице еще не росли замечательные сухумские платаны, и мы вздохнули облегченно, когда призыв все-таки состоялся, а другие пусть еще ждут...

Не знаю, по каким критериям, но отец сразу попал в батальон аэродромного обслуживания и в таком качестве прошагал всю войну, дослужился до старшего сержанта, коман-

дира отделения и закончил войну в 1945 году в Австрии, Вене. Вначале его часть располагалась в Эшера, на запасном аэродроме, что в 15 километрах от Сухуми, и отец все лето имел возможность приходить домой, видаться с нами и даже приносить кое-что из своего солдатского рациона, тем более, что к этому времени стали ощущаться трудности с продовольственным снабжением, появились хлебные карточки, и такая отцовская помощь была очень кстати, не говоря уже о том, что значили для нас его любовь и поддержка.

Но так продолжалось недолго: скоро обстановка на всех фронтах, в том числе и на Кавказском, резко осложнилась, немцы оказались где-то совсем рядом, часть, в которой служил отец, перевели, и мы прожили зиму одни, считая дни от одного отцовского письма-треугольника до другого. А уже с весны 1942 года начались бомбежки Сухуми с воздуха, воздушные тревоги стали будничным делом, и, посоветовавшись, мы решили (отец тоже в своих письмах настаивал на этом), что надо ехать в деревню, в Мартвили, где у нас было «имение», в котором жил мой дед по материнской линии – Андрия Заркуа.

В деревне мы прожили два года и учились в начальных классах районной школы. После Сталинградской битвы началось изгнание немецко-фашистских войск с территории Советского Союза, линия фронта отодвинулась далеко от Кавказа, и в 1944 году мы с сестрой Нателой вернулись в Сухуми. К этому времени произошло разделение школ на мужские и женские, и мы пошли в разные школы по соседству: я – в Сухумскую 2-ю мужскую среднюю школу имени А.С. Пушкина, сестра – в 8-ю женскую среднюю школу имени Ильи Чавчавадзе.

Как мы знаем, согласно

официальному протоколу о безоговорочной капитуляции вооруженных сил, подписанному в Берлине, война закончилась поздно ночью 8 мая 1945 года, в СССР объявили об этом по радио на следующее утро 9 мая, и с тех пор именно эта дата праздновалась, как День Победы. Мне в тот год было 13 лет, и я учился в 5-ом классе. Но все мы, взрослые и дети, знали, что война закончилась, и не спали всю ночь в ожидании, когда по радио объявят об этом официально. Ликовали все – от мала до велика. Но для меня и нашей семьи истинным Днем Победы был счастливейший и радостнейший день 10 сентября, когда с фронта вернулся отец. Последние письма от него обещали скорую встречу, но с фронта домой возвращались миллионы солдат, и несмотря на то, что железная дорога работала с предельной нагрузкой все же сказать точно и уверенно, когда именно прибудет «наш» поезд, было невозможно. Нам оставалось только ждать дни и ночи этой минуты. Мама еще была в деревне, чтобы собрать урожай и привезти нам продукты на зиму, бабушка дежурила в больнице, мы с сестрой укладывались спать, когда вдруг раздался осторожный стук в дверь... Не раздумывая, как если бы деревянная дверь была прозрачной и сквозь нее был виден стучащий, мы с торжествующим криком: «Папа приехал!» бросились отпирать дверь. Откуда у нас была эта уверенность, я и сейчас не могу объяснить, но мы не ошиблись и через минуту повисли на шее у отца. Он, как всегда, был немногословен, только радость и счастье светились в его глазах, и с лица не сходила улыбка.

Вскоре пришла бабушка, потом приехала мама, а через неделю отец приступил к работе, и новая жизнь стала постепенно налаживаться.

Отец привез нам свои фрон-

товые фотографии и награды – «За оборону Кавказа» и «За победу в Великой Отечественной войне», которые с тех пор хранятся в нашем доме, как священные реликвии. Я с величайшим трудом вывез их из осажденного Сухуми 27 сентября 1993 года, в день падения города. Так удалось спасти драгоценные документы тех лет в нашем семейном архиве уже в Тбилиси, и среди них – рукописную, с хорошей штабной каллиграфией «Боевую характеристику» моего отца, подписанную командиром РАО 486 БАО капитаном Чумаковым и командиром 486 БАО майором Назаровым. Там говорится, что старший сержант Джахая Григорий Игнатьевич в Красной Армии с 1941 года. Участник обороны Кавказа. За боевые заслуги перед Родиной награжден медалью «За оборону Кавказа». Участник разгрома Яссо-Кишиневской, Будапештской и Венской группировок немецко-фашистских войск. За отличное выполнение боевых заданий командования имеет 8 благодарностей. Как и мой отец, на фронтах Великой Отечественной войны воевали его двоюродные братья: Георгий Джахая (героически погиб в бою под Смоленском), Варлам Джахая (Ленинградский фронт) и Михаил Джахая (Закавказский фронт).

Таким был мой отец-воин в трудные для страны годы.

А каким был мой отец-труженик в мирное время, видно из личного письма Министра торговли СССР от 22 августа 1949 года, N1-940 (Москва) – моему отцу (это письмо хранится в нашем семейном архиве):

«Директору магазина N1 Абхазской республиканской конторы «Курортторг»

тов. Джахая Г.И.

г. Сухуми, ул. Ленина, д. N1.

Министерство торговли СССР поздравляет Вас и всех работников магазина с при-

Гр. Джахая (слева). Вена. 1945

суждением по итогам работы II-го квартала 1949 г. третьей премии ВЦСПС и Министерства торговли СССР.

Надеемся, что коллектив магазина в ответ на высокую оценку работы, на основе социалистического соревнования, добьется новых успехов в работе, высокой культурой обслуживания покупателей, настойчивой борьбой за расширение ассортимента, улучшение качества товаров, систематическим перевыполнением плана товарооборота и других показателей, будет служить образцом для всех остальных магазинов.

Желаем успеха в работе.

В. Жаворонков»

Аналогичное поздравление с пожеланиями дальнейших успехов в работе пришло также от Председателя Центрального комитета профсоюза работников государственной торговли и общественного питания П. Киреева и еще одна поздравительная телеграмма из Москвы.

Отец скончался в 1951 году, на 46-ом году жизни.

В день открытия мемориальной доски у дома ветерана. Тула

ПРОЖИТЬ ЖИЗНЬ

— Анаида ГАЛУСТЯН

Сколько их осталось, ветеранов Великой Отечественной? По пальцам можно сосчитать... Смотришь 9 Мая на их редкие, трогательные стайки в парке Ваке и сердце сжимается: живут изо всех сил и гордятся самым ценным – победой над фашистской Германией. И столько эмоций рождает эта великая дата – чувства долга и благодарности за свою жизнь, спокойные детство и юность, и боль за своего деда-офицера, погибшего под Полтавой, могилу которого так и не нашли. А второй дедушка прошел всю войну, был моряком и служил в Дунайской флотилии, освобождал Будапешт, Бухарест, Вену... Он был награжден орденами и медалями, попадал в окружение, тонул, голодал вместе с товарищами, был контужен, праздновал Победу, а после – никогда не смотрел военные фильмы. И я могу с гордостью сказать, что в Победе – частица моей семьи. И это и моя победа... Человеку, о котором мне хотелось бы рассказать, 96 лет, и он полон сил, планов и жизнелюбия. Это один из наших чудных старых тифлисцев, хоть в последнее

время и живет у дочери в Туле – слишком одиноко стало после смерти любимой жены. Михаил Придонович Придонов – человек необыкновенной судьбы, автор нескольких книг, основанных на реальных событиях, впечатлениях и воспоминаниях. Их столько, этих воспоминаний и событий, что удивляешься: как все это вместились в одну человеческую жизнь? Вот его воспоминания из раннего детства и родного Тифлиса: «Вернемся в двадцатые годы прошлого столетия. Зима, чистый, пьянящий воздух, свежевывающий снег искрится на морозе. Смеркается. Улицы, казалось, замерли. Керосиновые лампы на центральных улицах тускло освещают ближние, закопченные стены домов. Процокуют лошадиные копыта по булыжной мостовой, разбрызгивая фонтаны ледяных брызг, фэтон с кожаной крышей, делающий пассажира инкогнито... Изредка пролетают сани. Вы можете не поверить – откуда в Тифлисе сани? В те годы в Тифлисе была вполне настоящая зима со снегом, морозами, от которых даже Кура замерзала, правда, только

у берегов. Лед вырубали и использовали для хранения пива на пивном заводе Ветцеля, немецкого промышленника... И мы все это видим, не правда? Хотим видеть, потому что это все дорого, как и ему. «Все фэтонщики проживали на Песках, в районе города, каждую весну подвергавшемуся нашествию водных масс взбунтовавшейся Куры. У фэтонщиков в наборе имелись сменные экипажи-фэтон для лета и сани для зимы»... «Редкие фонари с керосиновыми лампами давали очень тусклый свет, а фонарщики не спеша ходили по улицам от одного фонаря к другому, нося на плече легкую складную лесенку и бидон с керосином, поочередно зажигая фонари теплящимися на кончике длинной палки запалом...». «В городе царил доброжелательность и дружба представителей различных религий, национальностей. Главное, что их объединяло, это то, что они были тифлисцами, горожанами...». Дружба Михаила Придонова с тбилискими немцами Керерами была крепкой – на всю жизнь. Им принадлежал магазин музыкальных инструментов на Михайловском

Михаил Придонов. 1939

Михаил Придонов на фронте

проспекте, который впоследствии конфисковали, а позже, в 1941 г., семью и вовсе депортировали в Казахстан. Один из сыновей стал талантливым врачом, а второй, Рудольф – друг и одноклассник Придонова, известным пианистом и педагогом с мировым именем. Он преподавал в Московской и Венской консерваториях, приезжал с концертом в Тбилиси. О своем друге детства и трогательной встрече с ним Михаил Придонович рассказал в книге «Апассионата». Но вернемся в старый Тифлис. «Авлабар – это древний район города, где дома, это громко сказано, с земляными полами, слюдяными оконцами, едва пропускающими свет. Темные, закопченные, некрашенные стены, улицы в колдобинах... Район Винного подъема – район мастеровых людей – чувячников, шивших «каламаны», жестянщиков, собиравших жестяные печки, мастеров по пошиву меховых папах, кожевников, ювелиров... Издалека доносился звонкий перестук молоточков, выбивающих из кусков меди длинноносые кувшины, «кваби» с полукруглым дном... На каждом шагу жарили бати-бути, шашлык, люля-кебабы с барбарисом и зеленью, завернутые в тонкие армянские лавашы. Дым и аромат непрестанно висел в воздухе, так

же, как и крики зазывал, и громкие, азартные торги с покупателями, одетыми в черкески и высокие папахы...». «В глинобитных домах с плоскими земляными крышами, на которых женщины сушили белье, во дворах резвились дети, играли в гуси-лебеди, в классики или «лахти»...». «Тут никого не интересовало, какой ты национальности. Все были едины, дружны. Очень были приняты смешанные браки». От такого смешанного брака и родился сам Михаил Придонович: отец, Придон Васильевич, армянин, мама – Ида Федоровна Зейц, немка, была племянницей Ветцеля, того самого, который построил гостиницу на Михайловском проспекте и первый каменный, оборудованный пивзавод в Грузии, в Тифлисе, на Воронцовской набережной. Это здание стоит по сей день. Фамилия Придонов была распространена в столице Грузии, и они считались весьма уважаемыми. Когда-то Придоновым принадлежали великолепные особняки на Гановской (Табидзе) и Сергиевской (Мачабели) улицах. Однако родители Михаила принадлежали не к главной, а обедневшей ветви этого древнего рода. Отец работал на заводе, а потом, окончив Московскую промышленную академию, был направлен в Калинин начальником строительства первого в СССР завода искусственного волокна. «Единственное, что мне известно о моем деде, Василии Придоновиче, это то, что он был руководителем работ на лесоразработках в Сванети, – рассказывает Михаил Придонович. – В нашем роду существовала закономерность чередования имен и отчеств. Только я почему-то выпал из этой обоймы. По правилам я должен был быть Василием, но меня называли Михаилом. И с тех пор все пошло наперекосяк, а старая традиция умерла». Михаил Придонович очень тепло вспоминает маму: «Когда она осталась одна, без мужа, а я без папы, все ее душевное внимание и силы были обращены на меня. Жизнь была тяжелой,

перебивались и нуждались во всем. Мама не могла допустить, чтобы я выглядел хуже одноклассников. Она перешивала отцовскую одежду, которая сидела на мне отлично...». «Мама давала мне какую-то мелочь на завтрак в школе. Я же задумал сделать ей подарок ко дню рождения и стал откладывать эти деньги. В итоге купил какой-то косметический набор... Сколько я себя помнил до ухода в армию, духи и коробка с пудрой так и лежали нетронутыми на комод...». Михаил с детства прекрасно рисовал, ему советовали после школы поступать в Академию художеств, но юноша не был уверен в своих способностях и поступил в архитектурно-строительный институт. Правда, получить высшее образование ему так и не удалось: в 1939 году вышел указ о мобилизации в Красную Армию ребят старше 17 лет и 8 месяцев, имеющих школьный аттестат. Михаил Придонович говорит, что отнесся к призыву как к должному и запретил родственникам, имевшим связи, хлопотать об отсрочке. «Мама заранее готовилась к моей отправке в армию. Что она делала? Запаслась орехами, каштана-

Михаил Придонов. 1940-ые гг.

Супруга Екатерина

ми, сушеными фруктами, чтобы «ребенок» не голодал. Только с орехами случилась беда. Я обнаружил под тахтой эти запасы и с удовольствием погрыз орехи раньше положенного времени. Мама ахнула! Пришлось ей заново создавать такой неприкосновенный запас... Всю дорогу из военкомата до станции Навтлуги лил дождь. Природа оплакивала своих сыновей, словно предчувствуя, что через шесть лет домой вернутся считанные единицы...». Служить начинал на Украине 13 ноября, а 30 ноября грянула Финская война и на фронт стали отправлять бойцов с определенными специальностями, шоферов. Михаил вместе со своим товарищем Борей Робакидзе просился на фронт добровольцем, но их не взяли. Сказали, что если потребуется, возьмут. Он принимал участие в Бессарабской военной кампании (1940 г.), получил звание младшего сержанта, а потом, в конце мая 1941 года, был срочно направлен в Одессу на ускоренные курсы младших лейтенантов. Здесь и застало его начало войны.

Михаил Придонович хорошо помнит то роковое воскресенье:

проснулись, как обычно, сделали зарядку, позавтракали, получили приказ навести порядок в казарме и построиться – с тем, чтобы организованно отправиться в парк «Аркадия». Погода стояла чудесная. Михаил купил мороженое, сел на лавочку. И в этот момент музыку, льющуюся из репродуктора, прервал взволнованный голос диктора... На следующий день Придонова как опытного связиста отправили в штаб Одесского военного округа – принимать из Москвы радиogramмы. А в середине июля из-за того, что немцы перекрыли железную дорогу, выпускникам курсов приказали самостоятельно добираться в свои части. Старшим группы назначили Михаила Придоновича.

– Добирались на перекладных, – рассказывает Придонов. – Ехали с песнями, помню, пели что-то веселое про рыжую красавицу. Тогда никто из нас не верил, что это все надолго. Михаил Придонович прибыл в свой пункт назначения – Днепродзержинск, откуда был направлен в отдельный батальон связи командиром радиовзвода. Положение с каждым днем становилось все более сложным. Советские войска пытались удержать левый берег Днепра, но немцы переправились и захватили плацдарм. Михаил и его боевые товарищи попали в окружение, отчаянно пытались пробиться к линии фронта, несколько раз чуть ли не лоб в лоб сталкивались с фа-

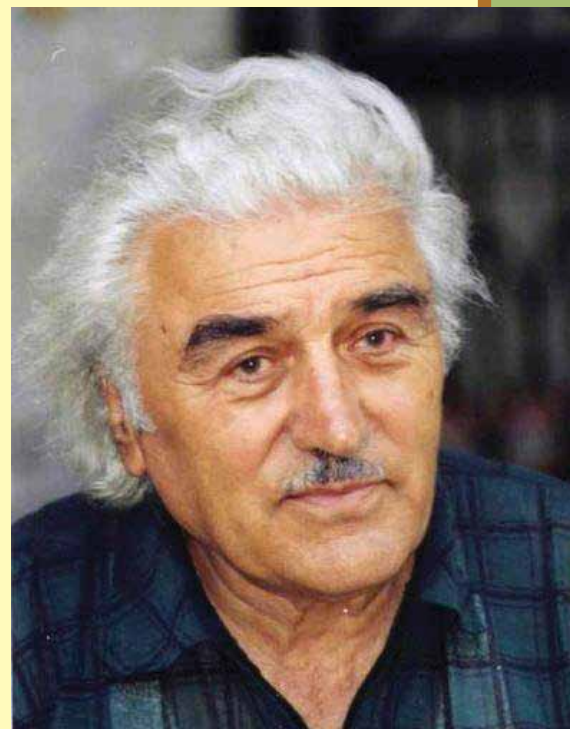
шистами. А потом удача им изменила: Придонов наткнулся на немцев, которые охраняли наших военнопленных, ремонтировавших мост. 17 октября Михаил Придонович попал в плен, а в декабре 1941 года его мать получила извещение о том, что он пропал без вести. Поначалу Придонова отправили в концлагерь Гросс Розен и заставили работать на заводе Круппа. Как они, наши ребята, там работали, вы можете догадаться сами: верные присяге и рискуя жизнью, вредили, как могли. Позже его отправили в один из самых страшных немецких концлагерей – Маутхаузен (Австрия), где ему чудом удалось выжить, продержавшись до конца войны – в 1945-м лагерь освободили американцы. Все эти три с половиной года Михаил Придонович не переставал бороться, пытался бежать. Он не раз был на волосок от гибели и до сих пор удивляется тому, что остался жив. Михаил Придонович всю жизнь хранит в ящичке письменного стола лагерную полосатую шапочку, на подкладке которой номер – 128 972. Это его личный номер, который он должен был выучить наизубок, причем по-немецки, иначе смерть. Придонов помнит его до сих пор.

О жизни в лагере, если, конечно, это можно назвать жизнью, Михаил Придонович в 2007 году написал книгу «Я, гражданин». И отослал по экземпляру в мемориальные музеи, открыв-

шиеся в концлагерях, которые он прошел, – польский Гросс-Розен и австрийский Маутхаузен... Вот несколько отрывков его воспоминаний. «Отобрали все личное, что было дорогим, как память, что связывало с домом... Ничто не должно служить напоминанием о прошлой, человеческой жизни. Требовалось забыть, что ты человек. Отныне ты хефтлинг!» «За проволокой под током высокого напряжения появились несколько человек, прозрачных, как тени на занавеси, в полосатых лагерных костюмах... Прорваться к воротам за новостями – это тоже героизм». «Прошагал к воротам и «по-

на мармелад»... «Ночь во власти тяжких вздохов, вскриков, стонов, прерывистого дыхания, слез, кашля... Если ночью кто-то нечаянно помрет, что случилось сплошь и рядом, сосед оттолкнет его от себя подальше...». «Голод брал верх над благоразумием. Пайка, вырванная из рук слабого, оказывалась во рту отчаянного, нахального. Знает ведь, что все равно будет бит!» Михаила Придоновича, как «доходягу», который все равно помрет, приговорили к смерти 4-го мая 45-го, а на следующий день должна была состояться казнь. «У меня была одна мысль, – вспоминает он, – дожить бы до субботы, потому что в субботу давали кусочек кровяной колбасы, поесть и будь что будет. «Но случилось чудо: утром на территорию лагеря ворвались американские войска и, разбив врага, освободили пленников. «Торжественная церемония проводов, митинг, клятвы сохранить в памяти дружбу, муки, горе, смерть. Уходя, взяли с собой урну с пеплом из крематория – то, что осталось от ребят, сожженных в последние часы владычества фашистов...». «Много повидавший на своем трудовом веку, не единожды раненный на фронте паровоз возвращал стране из плена своих сыновей. Руки-ноги есть, голова на месте, но вот души у всех были тяжело травмированы невзгодами тяжелой лагерной жизни, пленом. Неизвестно было, как и чем их встретят дома. Как жить и что делать?» А дома ждали боль и разочарование – долгие месяцы, а потом и годы – до 1954 г. Михаилу Придоновичу пришлось доказывать, что он не помогал фашистам в плену. По делу были вызваны свидетели. В итоге Придонов был оправдан и представлен к наградам – Орденом Красной Звезды и Орденом Дружбы народов. Потом была работа художником в Тбилисской студии мультфильмов, где он и встретил любовь всей своей жизни – Катю. Она была родом из Ленинграда, ее

Не стареют душой ветераны

чудом вывезли из блокадного города, а мать осталась и умерла от голода... Они поженились в 1951-ом, прожили душа в душу 56 лет, вырастили сына Алексея и дочь Наталью.

Любимой супруги уже давно нет, но он вспоминает ее каждый день. Оставшись один, Михаил Придонович принял решение уехать из родного Тбилиси и переселиться к дочери Наталье в Тулу. Но тбилисская душа и память о некогда дружном и теплом дворе на ул. Узнадзе остались с ним навсегда. Прожита большая жизнь, полная драматических событий – 96 лет. Но время не останавливается и Михаил Придонович старается от него не отставать. Он, как современный человек, освоил компьютер, с удовольствием общается с людьми, делится воспоминаниями, которые для нас так ценны, издает книги, строит новые планы. Ведь пока есть что сказать, жизнь продолжается! Спасибо замечательному тбилисцу, соседу и другу семьи Придоновых, Сергею Шелестову за предоставленный материал.

Любимая Катя

лосатый оркестр», прекрасно исполнявший марши и легкую опереточную музыку. Под такую музыку, легкую и развлекательную, эсэсовцы проводили публичные порки. Под музыку же приводились в исполнение смертные приговоры... Невдомек новичкам было, что в оркестре играли лучшие музыканты Европы». «В лагере, на заводе все шло по заведенному порядку – построения, марши на завод и обратно, осточертевшая работа, пересчеты, раздача баланды – суп из кольраби, кипяток с крохотными кусочками надоевшего овоща, иногда хлеб, по праздникам что-то похожее

Семья Николая Чихладзе с гувернанткой и няней

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ

■ **Нина ШАДУРИ**

«Гордиться славою своих предков, – писал Александр Пушкин, – не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Да, как ни относиться к прошлому, оно с тобой каждую минуту. Его ни вычеркнуть, ни стереть. Счастлив тот, кто оглядывается назад без стыда и смотрит вперед без опаски.

Именно к таким счастливицам принадлежит наш сегодняшний собеседник – Теймураз Чихладзе. С ним мы и перелистаем страницы его «семейного альбома». Этой фамилии есть кем гордиться – и в прошлом, и в настоящем.

– Все мы, Чихладзе, родом из Кутаиси, – начал свой рассказ Теймураз Николаевич. – Жили по соседству и росли все вместе, на маленькой Потийской улице. Мой дед, Михаил Павлович, был знаменитым плотником, большим мастером своего дела. В строительстве деревянных домов равных ему не было. У него было двое сыновей – старший Шалва и Николай, мой отец. Шалву Чихладзе, журналиста и издателя, в 1937 году репрессировали – сослали на 10 лет. Вернулся, и вскоре его снова арестовали. В общей сложности он отсидел 17 лет, на всю жизнь остался надломленным человеком. И никогда ничего не рассказывал о том, что довелось пережить... А отец уцелел, и сам этому удивлялся. Он окончил классическую гимназию и твердо решил стать юристом. И вот почему. В то время в Кутаиси приехал Луарсаб Николаевич

Андроникашвили – великий адвокат и оратор. Мой отец попал на его выступление. И был поражен, восхищен. С этого все и началось – Андроникашвили стал для старшекласника примером для подражания, образцом

Николай и Тамара Чихладзе

Теймураз Чихладзе с супругой Мариной

профессионализма. Как отец готовился к своему будущему? У него были редкая сила воли и огромная целеустремленность. Он выходил на берег Риони, набирал в рот камешки и под шум реки произносил речи – вырабатывал дикцию и голос. Очень много читал и собрал, кстати, великолепную библиотеку. А потом поехал в Москву, поступил в Ломоносовский университет и окончил его с блеском. На фронт его не призвали – Сталин издал приказ выделить «бронь» для юристов. По окончании университета Николая Чихладзе назначили директором Кутаисской вечерней школы рабочей молодежи. Среди учеников было много хулиганов, почти уголовников. Не случайно директора школ имели право на ношение оружия. Отец, человек жесткий, не робкого десятка, профессионал, очень скоро установил в школе порядок и дисциплину. Его авторитет был беспрекословным. Спустя семь лет он поступил в адвокатуру, возглавил городскую юридическую консультацию.

– А что же он в адвокаты пошел? С таким хулиганьем имел дело и готов был их защищать?

– Не забывайте – все дело в адвокате Луарсабе Андроникашвили, он так и остался для отца примером на всю жизнь. Спустя много лет бывшие ученики, встречая его, говорили: «Эх, Николай Михайлович, что же ты не был с нами еще построже, что ж по голове-то нас не бил?»... Отец стал одним из самых знаменитых и авторитетных адвокатов. На всю губернию было от силы пять по-настоящему сильных, известных юристов. Отец был первым среди лучших. Клиентов у него было очень много, он защищал в Грузии, России, Украине. На его процессы шли, как на спектакль.

– Как в России ходили слушать Плевако, да?

– Именно. А в семье поселилось волнение. У отца, конечно, были не только поклонники, но и завистники. Его прозвали «миллионер». А ведь он частенько защищал бесплатно или брал мизерный гонорар... Мы жили скромно, в доме не было излишеств. Необходимая еда, одежда и, конечно, библиотека – вот и все наши миллионы.

– Он проиграл хоть одно дело?

– Не помню такого. Вот что мне рассказал мой старший сын Леван. Как-то он с женой гостили у родственников в Сергиевом Посаде Тульской области. Вышли прогуляться. Навстречу идут двое. Оказалось – грузины. Слово за слово, разговорились. «Как фамилия?» – спрашивают. – «Чихладзе». – «Откуда родом?» – «Из Кутаиси». – «О, был в Кутаиси твой однофамилец, Коля Чихладзе, великий адвокат, спас моего брата от смертной казни», – воскликнул один. – «Это мой дед», – ответил Леван. Надо объяснять, что было дальше? Новый знакомый обнял моего сына и прижал к сердцу.

– Какие воспоминания детства приходят на ум?

– У меня было прекрасное детство. Все вспоминается как счастье. Я и мои старшие братья

жили в атмосфере любви. Отец с мамой были очень красивой парой. Когда они шли по улице, все прохожие любовались: «Смотрите, Николай и Тамара идут!» У нас была патриархальная семья. Мы все очень уважали отца, он был главой семьи. Без него не садились ни обедать, ни ужинать. Мама поначалу работала, а затем, по просьбе отца, оставила работу и занялась только детьми и домом. Вечерами занимались с гувернанткой Лидией Федоровной, которая жила у нас в доме. Отец наблюдал, как мы штудлируем уроки. Лидия Федоровна занималась с нами русским и немецким. Братья овладели немецким языком в совершенстве. Более того, они, еще учась в школе, параллельно заочно окончили Московский институт иностранных языков, был такой вуз на Можайском шоссе. И стали дипломированными специалистами. Старший брат Важа даже уроки немецкого проводил в школе. Я, честно говоря, настолько хорошо этот язык не выучил, да к тому же в мое время, после войны, немецкий стал не популярным. Мы, все трое, были гуманитариями. Но учиться нам пришлось не по призванию – в середине 1950-х Никита Хрущев объявил, что стране юристы не нужны, потому что в СССР нет ни преступников, ни заключенных. Старший брат Важа оставил юридический факультет Ростовского университета и поступил в Одессе на гидротехнический. Средний – Авто – очень хотел стать врачом, но в итоге окончил сельскохозяйственный институт. Я тоже пошел по технической линии, поступил в Грузинский политехнический на строительный факультет. Вместе с братьями жил в Тбилиси, в съемной квартире на улице Шевченко. А потом перешел в общежитие и пожалел, что не сделал этого раньше – там кипела настоящая студенческая жизнь. Занимался спортом, стал мастером спорта по гимнастике, разъезжал по всему Союзу. И очень хорошо почувствовал оттепель после смерти Сталина.

Т. Чихладзе с детьми: Тamarой, Ираклием, Леваном

– А как ваши родители от- носились к Сталину?

– У отца в кабинете висел портрет Сталина. И вдруг в один прекрасный день он упал, стекло разбилось вдребезги. Я помню, как испугалась мама! Вдруг кто-то зайдет, увидит, подумает – специально разбили. Поскорее заперли все окна и двери, убрали осколки. Вскоре отец снова повесил портрет на место... Конечно, родители все знали и понимали, но вслух ничего плохого о Сталине не говорили. Разве что иногда у отца прорывалось крепкое словцо в его адрес. Помню, они рассказывали, как тревожно им спалось: как и все, они жили в страхе, что вдруг ночью заскрипит калитка. Это означало бы, что за ними пришли.

– Чем занялись после окончания института?

– Работал в системе мелиорации. И женился на дочери министра водного хозяйства Грузии, члена ЦК партии республики Георгия Кобулия. И хотя у нас с женой родилась дочь Ирина, брак продлился недолго. А вско-

ре я решил поменять не только личную жизнь, но и сферу деятельности. Мне очень хотелось пойти на партийную работу.

– Вы были советским человеком?

– Советским. Совершенно точно. А каким еще? Мы же жили при одной-единственной идеологии... В то время в Тбилиси появился новый район – Заводской. И меня пригласили на должность инструктора райкома.

– Эта работа вам доставляла удовольствие?

– Очень большое. Что может быть лучше, если работа в радость? Потом я стал парткомом строительного треста. Работал день и ночь. Помню, объяснял жене: если дома будет пожар, мне не звони – приехать не смогу.

– Будучи партийным работником, вы не могли не понимать, что советская идеология – это одно, а реальная жизнь – другое. Партия говорила, что все прекрасно, мы идем к коммунизму, а нам раздавали талоны на сахар и сливочное масло.

– Вы должны говорить это тем, кто командовал идеологией и пропагандой. А я работал в промышленно-транспортном отделе и курировал исключительно строительные дела. Я занимался делом, которое знал. Мне не приходилось врать. Кстати, впоследствии, уйдя с партийной работы, я занялся опять-таки строительством – возглавил строительство завода по производству пластмассы по методу профессора Алексидзе.

– Что это за метод?

– В 70-80-е годы в районе Поничала действовала огромная свиноферма на 12 тысяч голов. Профессор кафедры биохимии Тбилисского государственного университета Нугзар Алексидзе запатентовал изобретение – производство пластмассы из свиного навоза. Это

стало настоящей мировой сенсацией. И дело тут было не только в пластмассе, но и в том, что решалась серьезная задача по утилизации отходов свиноферм. Построили экспериментальный завод «Крцаниси», я стал заместителем директора, а потом и директором дирекции строящихся объектов. И проработал лет десять, пока все не рухнуло. И в 1993 году мы приняли решение о переезде в Москву. К тому времени я уже был давно и счастливо женат, и у нас с женой Мариной росли трое детей.

– Расскажите о своей супруге.

– Увидев Марину, я влюбился с первого взгляда и сразу понял, что это – моя будущая жена. В 1976 году мы поженились, прожили вместе 32 года, и я ни секунды не пожалел о своем выборе. Она была исключительно теплым, общительным, светлым человеком. Мы с ней понимали друг друга с полуслова. Даже не могу припомнить, чтобы ссорились.

– Мне кажется, вам повезло создать счастливую семью.

– Совершенно точно.

Нико Чихладзе

Леван Чихладзе

– Итак, вы переехали в Москву и...

– Долгое время работал в системе образования. Пережил два дефолта, потерю всех сбережений, заново начинал с нуля...

– А дети?

– Дети учились в грузинской школе. Но дома мы всегда говорили по-русски. Это было осознанно – мы хотели, чтобы они в совершенстве знали оба языка. Когда мы переехали в Москву, старший сын Леван поступил на юридический факультет РУДН, а Ираклий и Тамара продолжили учебу в школе. Естественно, русской. Впоследствии Ираклий окончил юридический факультет, там и работает по профилю. Тамара – выпускница факультета русской филологии Московского гуманитарного института. Она посвятила себя семье. Тамара по призванию – хранительница очага. Она прекрасная мать, жена и хозяйка.

– Сейчас Леван Чихладзе – известный юрист, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института РУДН, доктор юридических наук, профессор, автор более 125-ти научных статей и трудов. Как начинался его путь?

– Как ни странно, он неважно учился в школе. А в старших

классах сам начал заниматься. И очень серьезно. Во многом свою роль сыграл блестящий пример дяди – Нико Чихладзе, доктора экономических наук, доктора теологии, профессора Государственного университета имени Акакия Церетели, профессора Кутаисского университета, действительного члена Академии экономических наук Грузии. Леван поехал в Кутаиси, в дедовский дом, где сейчас живет Нико, привез книги по специальности из библиотеки моего отца, начал их штудировать, сам писать. И вскоре в тбилисской газете «Бизнес-курьер» в рубрике «Колонка молодого юриста» начали появляться статьи Левана – школьника на тот момент! Он много читал: не только специальную литературу, но и русскую классическую – Пушкина, Лермонтова. «Евгения Онегина» знал наизусть. Я просто поражаюсь – мой сын рос день ото дня. С отличием окончил РУДН, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Кстати, одним из рецензентов его кандидатской стал академик Академии сельского хозяйства Грузии, профессор Паата Когуашвили. Знаете, как Леван сел с первого курса за письменный стол, так и не вставал, можно сказать. И не встает по сей день – очень много работает. Хотя, как шутит Леван, он «защитился в метро» – в том смысле, что никогда не выпускал из рук книг, учебников... У него оказался дар не только ученого, но и педагога. Не случайно кафедра, которой он заведует, получила диплом Российской Академии естествознания «Золотая кафедра России» в Национальной программе «Золотой фонд отечественной науки». Все Чихладзе очень гордятся, что из нашего рода вышли сразу двое выдающихся ученых, докторов наук – Нико и Леван Чихладзе.

– Жаль только, что такая блестящая карьера сложилась в Москве, а не на роди-

не.

– Леван очень хотел работать в Грузии. Более того, в 2003 году написал письма президенту Михаилу Саакашвили и спикеру парламента Нино Бурджанадзе, где предлагал Грузии свои знания, способности и опыт. Письма остались без ответа... И Леван продолжил работать в Москве. Многие из его трудов посвящены вопросам права в Грузии и России. Например, монография «Местное самоуправление и местное управление в Грузии: традиции и опыт», статьи «Грузия: нелегкий путь к единству государства», «Грузия и международный опыт территориальной организации государств», «Специфика управления Восточной Грузией», глава в учебнике «Административное право зарубежных стран» «Административное право Грузии» и многие другие. Леван сотрудничает с академическими изданиями Грузии. Совсем недавно его статья на английском языке была опубликована в Бюллетене Национальной Академии наук «Моамбе». А свою самую первую книгу Леван посвятил деду – Николаю Михайловичу Чихладзе... Леван счастливо женат. Супруга Ирина – успешный юрист. В семье растут двое замечательных детей.

– А чем сейчас занимаетесь вы сами?

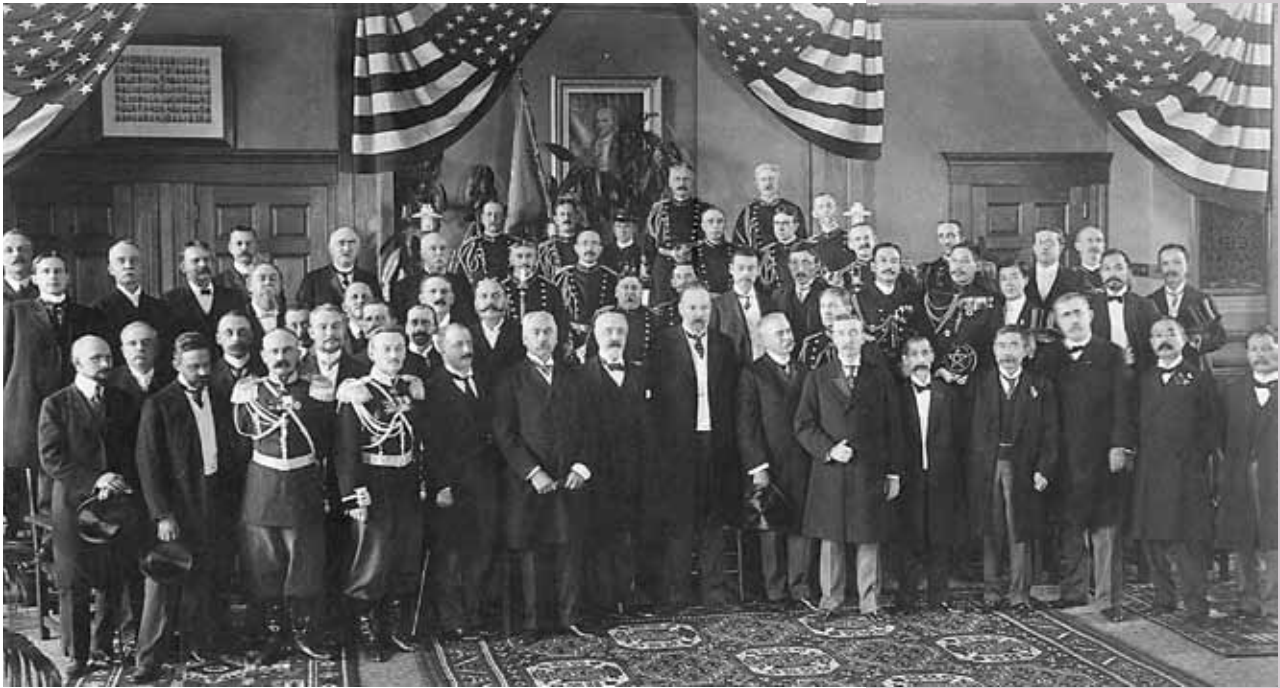
– После смерти жены я отошел от всех дел.

– Даже странно произнести эти слова – вы пенсионер?

– Заслуженный. Как раньше говорили – всесоюзного значения.

– Вы постоянно живете в Тбилиси?

– Да. Я не вернулся в Москву. Теперь я понимаю тех людей, которые говорят, что не могут оставить родные могилы...

Участники подписания Портсмутского мира 1905 г. В центре – Сергей Витте

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Когда в середине позапрошлого века непоседа Сережа поднимался к горе Мтацминда по родной Вадзевской улице, сбегал по ней на Головинский проспект в единственную гимназию города или уезжал в родительской карете в урочище Белый Ключ, где отдыхал летом высший свет, никто и представить не мог, что этого тифлисского мальчика ждет кресло первого в истории России председателя Совета министров страны. Тем более, что оценки в его аттестате были далеко не блестящие. Вадзевская давно носит имя Александра Чавчавадзе, Головинский – Шота Руставели, гимназия – самая престижная среди 280 средних тбилисских школ, Белый Ключ – по-прежнему популярное место отдыха, но уже под названием Тетри-Цкаро... И мало кто помнит, что эти места, как и пригородные курорты Коджори и Манглиси, шестнадцать с половиной лет были связаны с детством выдающегося россий-

ского государственного деятеля-реформатора Сергея Юльевича Витте.

О происхождении его явно нерусской фамилии сведения неоднозначные. В справочниках сообщается, что «его отец Христоф-Генрих-Георг-Юлиус Витте происходит из балтийских немцев, принадлежал к курляндскому дворянству, в молодости изучал в Пруссии сельское хозяйство и горное дело». Но сам Отто Юльевич пишет: «Я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию... был дворянин Псковской губернии, хотя и Балтийского происхождения. Предки его были голландцы, приехавшие в Балтийскую губернию, когда таковые еще принадлежали шведам». При этом достоверно известно: лютеранин, окончивший Дерптский университет, становится православным Юлием Витте, когда, управляя фермой под Саратовом, влюбляется в дочь местного губернатора Андрея Фадеева

– Екатерину.

В 1844-м – их свадьба, а через пару лет князь Михаил Воронцов, ставший царским наместником на Кавказе, приглашает Фадеева в Тифлис, на должность члена Совета Главного управления Кавказского наместника и управляющего экспедицией государственных имуществ Закавказского края. Фадеевы и Витте переселяются в столицу Грузии, где отец будущего реформатора завершает свою карьеру директором Департамента земледелия на Кавказе. В 1849-м у него рождается третий сын Сергей, потом появляются еще две младшие дочери. У Сережи – счастливое детство, он увлекается музыкой и спортом, а через годы с ностальгией вспоминает: «В то время одним из самых больших и гостеприимных домов в Тифлисе был дом Фадеевых. Фадеев жил вместе с семьей Витте и занимал в Тифлисе громадный дом, недалеко от Головинского

Юлий Витте

проспекта, в переулке, идущем с Головинского проспекта на Давидовскую гору... Жил он так, как живали в прежнее время, во времена крепостных, большие бары. Так, я помню, хотя я был совсем мальчиком, что одной дворни (т. е. прислуги) у нас было около 84 человек, - я помню отлично даже эту цифру».

Живется в этом доме совсем нескучно, тем более, что двоюродная сестра Сережи – религиозный философ и оккультист, основательница современного теософического движения Елена Блаватская. «Хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис... Она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. ...К нам каждый вечер собиралось на... сеансы высшее тифлиское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев - все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее в тайне от главы семейства – моего деда, а также и от моей бабушки, Фадеевых;

также ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец... Молодые люди из Петербургской гвардейской *jeunesse doree*... постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом».

Да и за стенами дома есть, чему запомниться. В первое лето своего пребывания на Кавказе новый наместник, брат царя великий князь Михаил живет «в Белом Ключе; это место находится в нескольких десятках верст от Тифлиса и там стоит знаменитый Грузинский полк». Семейство Фадеевых-Витте приезжает туда, и двенадцатилетний Сережа, вместе с братьями с раннего детства увлекающийся верховой ездой, с гордостью демонстрирует свои навыки, да не где-нибудь, а прямо на полковом плацу. Но ездят мальчики «по-кавказски, т. е. на казачьем седле», как принято в Закавказье. И наместник не раз пытается лично научить ребят ездить «по кавалерийским правилам». Итог? «Правила эти к нам не прививались, да и вообще все кавказские ездоки относились с презрением к кавалерийской езде». Что ж, детям такое неприятие советов члена Царского Дома сходит с рук, но в том, что взрослым не стоит подшучивать даже над женой Великого князя, мальчик убеждается на примере своего дяди.

Перед тем, как наместник после отлучки прибывает в Тифлис, «крайне острый на язык, довольно откровенный» брат Сережиной матери заявляет, что супруга великого князя Ольга Федоровна, «весьма довольна тем, что въезд наместника (который делается в экипаже через р. Веру) встречается всем населением с флагами, и экипаж наместника обыкновенно забрасывается цветами». Мол, она «будучи очень скупой, заранее уже распорядилась, чтобы все эти цветы были собраны и отправлены на конюшню, и таким образом можно будет в течение нескольких дней даром кормить лошадей». Конечно же, Великой Княгине не преминули передать

эти слова, и Витте констатирует: «Ольга Федоровна из-за этого все время крайне не благоволила к моему дяде Фадееву: это и была одна из причин, почему мой дядя Фадеев после того, как Черноморская часть Кавказа была покорена, во время наместничества Вел. Кн. Михаила Николаевича совсем покинул Кавказ».

О чем еще вспоминал потом на берегах Невы министр-реформатор, когда речь заходила о Грузии? Конечно, о том, как мальчишкой охотился в окрестностях Тифлиса, ночевал в манглицком монастыре. И конечно, об интересных людях, увиденных в детстве. «Я помню, когда я был еще совсем мальчиком, экзархом Грузии был очень почтенный старец иерарх Исидор, который впоследствии очень продолжительное время был Петербургским митрополитом. Исидор, как в Тифлисе, так и потом в качестве Петербургского митрополита, пользовался совершенно заслуженной репутацией очень умного иерарха, отличного администратора и истинного монаха по своей жизни. Исидор часто приезжал в наш дом и у нас обедал». Право сло-

Екатерина Витте, урожденная Фадеева

Председатель Совета министров Российской Империи Сергей Юльевич Витте

во, стоит приглядеться и к калейдоскопу других замолвившихся мальчику лиц, к срезу жизни Грузии того времени.

Вот один из представителей грузинской царской династии, полковник, которого все звали «князь Ираклий-царевич». Вот Александр Дюма-отец, который «оделся в черкеску и в таком костюме его всюду возили, заставляя пить массу вина». Вот знаменитый экономист Людвиг Тенгоборский, боровшийся против англо-французской политики. А вот известный врач Эраст Андреевский, который «оставил о себе память на Кавказе, не как «доктор», а как «доктор светлейшего князя Воронцова»; вследствие преклонных лет светлейшего князя, Андреевский имел на него значительное влияние и проявлял это влияние не без корыстных целей». Он был женат на княжне Варваре Туманишвили и выгодно выдал дочь замуж за светлейшего князя Георгия Шервашидзе. А это — генерал Василий Гейман, начальник Сухумской области, которого шестнадцатилетний Сергей видит в разгар жестокой эпидемии холеры, когда «на улицах сплошь и рядом валялись больные и мертвые». Он сидит в спальне, «окруженный целой батареей вин» и, по чисто кавказской традиции, спаивает всех входящих... «уверяя, что это единственное средство, чтобы не заболеть холерой»...

Ну, а что же с образованием юного Витте? Бабушка учит читать и писать мальчика, который «с малолетства был отдан в руки» крепостной няни и вольнонаемной кормилицы, жены солдата квартировавшего в городе стрелкового батальона. Но

Тифлис 1860-го года

обстановка среди дворни, как говорится, та еще! И детские воспоминания наполовину печальны, наполовину комичны. «Уже с самых молодых лет, можно сказать с детства, я видел некоторые примеры, которые едва ли могли служить образцом хорошего воспитания. Так, муж моей кормилицы, прекраснейшей женщины, которая затем кормила и моих сестер - был горький пьяница. Я помню, как этот солдат Вакула приходил к своей жене, моей кормилице, — которая потом осталась при мне 2-ой нянькой, — помню сцены, которые разыгрывались между ними. Муж моей няньки-крепостной был также крепостным; он служил у нас официантом и был также горчайшим пьяницей; при мне постоянно разыгрывались сцены между моей нянькой и ее пьяницей мужем».

Когда Сережа и его брат Боря подрастают, их опекают два отставника — солдат, прослуживший 25 лет, и гувернер-француз Ренье, бывший французский моряк. Они «также вели себя не особенно образцово; оба любили выпить и один из них, несмотря на то, что ему было за 60 лет, на наших детских глазах развратничал». Жена француза работает гувернанткой у директора гимназии Карла Чермака, приходя повидаться с ней, Ренье «познакомился с старшей дочерью этого Чермака и вступил с нею в амурные отношения». Директор жалуется на это заместнику, и водевильная ситуация продолжается: «После этого вдруг у нас, в нашей детской комнате, появились жандармы, которые взяли нашего гувернера, Ренье, посадили его на перекладные и административным порядком увезли к Черному морю, передав его на иностранный пароход для отправки за границу. Бедная жена его должна была оставить дом Чермака; она переселилась к нам, поступив бонною к моим сестрам... Вскоре она покинула Кавказ и уехала к своему мужу. Тогда у нас появился новый гувернер, некий швейцарец, француз Шаван, гувернанткой же моих сестер в это время была французженка Демулян». Новый

Тифлисская гимназия

губернер тоже оказывается сердцеедом, заводит «амурные отношения с этой гувернанткой, так что, в конце концов... их обоих пришлось уволить, причем эта же гувернантка совратила с пути истинного» старшего брата Сережи... Спустя годы Витте объяснял: «Я рассказываю все эти истории, чтобы показать, как трудно уберечь детей, даже если в семье есть материальные средства, от вещей их развращающих, если сами родители неукоснительно не занимаются их воспитанием».

Следующий губернер посерьезнее, он занимался с братьями историей, географией и немецким языком, а «масса различных учителей Тифлисской гимназии подготовляли к поступлению в гимназию». О том, как учились тогда в гимназии дети состоятельных родителей, никто не расскажет лучше самого Сергея Юльевича. Тем более, что некоторые ситуации хорошо знакомы нам по не столь далекому прошлому:

«...В этой гимназии были интерны (ученики, которые там жили), экстерны и сравнительно меньшее количество вольнослушателей, которые допускались только в особых случаях. И вот меня и брата, в виду того положения, которое занимали мои родные, допустили в качества вольнослушателей в 4-5 классы. В это время в гимназии было всего 7 классов, и таким образом в гимназии я был в качестве вольнослушателя в течение 4 лет, при этом я прямо переходил из класса в класс, не сдавая переходных экзаменов. Занимался я очень плохо, большею частью на уроки не ходил; приходя утром в гимназию, я, обыкновенно, через 1 час – уже выпрыгивал из окна на улицу и уходил домой. Вследствие того, что мы были вольнослушателями и в виду особого, всем известного, положения, которое занимали наши родители, учителя не обра-

щали на нас никакого внимания, потому что они не были ответственны ни за наше учение, ни за наше поведение. В бытность нашу в гимназии к нам, на дом, постоянно приходили учителя той же самой гимназии, которые давали нам параллельно уроки по тем же предметам, которым они нас учили в гимназии».

Хорошо учиться Сергею с братом мешают увлечение музыкой и верховой ездой. Игре на «различных духовых инструментах, преимущественно на флейте» их учит флейтист оркестра военного полка, потом – члены труппы итальянской оперы. «Вообще я и мой брат гораздо больше времени тратили на музыку, нежели на все остальные предметы, - признается Витте. - Кроме того, мы постоянно занимались верховым спортом, затем упражнениями на рапирах и эспадронах, чему придавал особое значение наш дядя генерал Фадеев, который требовал, чтобы к нам приходил учитель фехтования тамошних войск, который нам преподавал искусство фехтоваться, драться на рапирах и эспадронах». Ну какая же гимназия при таких замечательных занятиях!

Закономерный результат – печальная картина на выпускных экзаменах. Витте откровенен: «Я держал экзамены чрезвычайно плохо и, если бы не учителя гимназии, которые в течение 4-х лет к нам ходили, и, конечно, получали при этом соответствующее вознаграждение, то я, вероятно, никогда бы экзаменов не выдержал, а так, еле-еле, с грехом пополам, я получал только самые умеренные отметки, которые мне были необходимы для того, чтобы получить аттестат. Я несколько не огорчался тем, что, обыкновенно, ни на одном экзамене не мог дать удовлетворительного ответа». Но когда два педагога, сами плохо говорящие на француз-

Сергей Витте за работой

ском, ставят за знание этого языка незаслуженные «тройки» братьям, которые «дома болтали большею частью по-французски... бегло говорили на этом языке и, пожалуй, даже лучше, нежели по-русски», Сергей с Борисом не удерживаются от мести: «Так как мы были большие шалуны, то, когда учителя вышли из гимназии, мы пошли за ними по улицам и все время сыпали относительно их ругательства и бросали в них грязью». Не заплатить за это нельзя: «После такого инцидента, хоть нам и выдали аттестаты, и мы кончили курс гимназии, но за поведение нам поставили по единице. С таким аттестатом, когда мне было 16,5 лет, я отправился с братом в университет. До этого я на Кавказе жил безвыездно...»

Но до отъезда происходит инцидент, который мог закончиться печально для юного Витте. Сдав выпускные экзамены, Сергей отправляется играть на биллиарде в гостиницу «Кавказ» на Эриванской площади. И в этот время достигает кульминации «бунт тифлисского населения против мясников». Дело в том, что гражданская администрация города почему-то сосредоточила всю торговлю говядиной в руках лишь одного подрядчика, «который эксплуатировал население». Возмущенные горожане, решив расправиться не только с самим подрядчиком, но и со всей его семьей, собираются на Эриванской. Подоспевшие пожарные ненадолго рассеивают толпу, потом подходят военные. На площади звучат выстрелы, шальные пули убивают провизора в аптеке далеко от гостиницы. А ведь они точно так же могли залететь и в биллиардную...

Вскоре после этого Сергей навсегда покидает родной город. Они с братом пытаются поступить в Новороссийский университет, который находился в Одессе, но оказывается, что с оценками в их аттестатах там искать нечего. Они отправляются

в Кишинев, усиленно занимаясь, оканчивают экстернами местную гимназию, и новые аттестаты открывают путь к высшему образованию. В Новороссийском университете Сергей с кандидатской степенью оканчивает физико-математический факультет, написав диссертацию «О бесконечно малых величинах». Он хочет преподавать на факультете, готовится к профессорскому званию, начинает писать очередную диссертацию, уже по астрономии (!). Ничего из этого не получается. По двум причинам. Первая, как говорится, «шерше ля фам» – занятиям мешает увлечение хорошенькой актрисой. Вторая – категорический протест семьи, считающей, что ученая карьера – не дворянское дело. И Витте становится чиновником в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора.

Министр путей сообщения граф Алексей Бобринский, хорошо знавший его отца, в 1870 году предлагает более денежное место в управлении Одесской железной дороги, и Витте досконально, на практике изучает железнодорожное дело: «Я сидел в кассах станционных, грузовых и билетных, затем изучал должности помощника начальника станции и начальника станции, потом контролера и ревизора движения; затем занимал должности на различных станциях». Дворянским делом оказывается даже работа конторщиком грузовой службы и помощником машиниста. А в итоге, в 21 год, Сергей – уже начальник службы, становится начальником движения. Проходит еще пять лет, и блестящий специалист оказывается...под судом. Недалеко от Одессы происходит страшная катастрофа поезда, жертв множество, и Витте вместе с начальником дороги становятся «козлами отпущения», их приговаривают к четырем месяцам тюрьмы. Но пока тянется следствие, он остается на службе и отлично организует перевозки войск на русско-турецкую войну. Это не ускользает от внимания главнокомандующего армией на Балканах великого князя Николая Николаевича. И тот повелевает заменить тюремное заключение двухнедельной гауптвахтой. Однако осужденный там только ночует, так как днем работает в «Особой высшей комиссии для исследования железнодорожного дела в России».

Когда Одесская железная дорога вместе с еще четырьмя государственными переходит к частному Обществу Юго-Западных железных дорог, Витте получает место начальника эксплуатационного отдела и переезжает в Петербург, затем работает в Киеве. Он разрабатывает устав российских железных дорог, публикует книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», принесшую ему известность среди специалистов. И на глазах самого императора Александра III вступает в конфликт с чиновниками, доказывая, что нельзя использовать два мощных грузовых паровоза для разгона царского поезда. Император убеждается в его правоте после крушения в 1888 году собственного поезда. Через год после этого, по лич-

ной просьбе царя, Витте – уже директор только что созданного Департамента железнодорожных дел при Министерстве финансов. При этом, перейдя на государственную службу, он теряет в окладе, и Александр III выделяет ему доплату из своих личных средств.

Работая в правительстве, Витте проводит политику скупки государством частных российских железных дорог, добивается права назначать сотрудников за заслуги, а не «по благу» и, в конце концов, в 1892 году на два месяца становится министром путей сообщения. Среди его заслуг за этот короткий срок – ликвидация крупных скоплений не перевезенных грузов, реформа железнодорожных тарифов и новшество, без изменений дошедшее до наших дней. Признаемся: практически никому не известно, что современные подстаканники впервые ввел именно Витте, в пассажирских поездах. С августа 1892-го Сергей Юльевич становится министром финансов и остается на этой должности целых 11 лет. Именно он рекомендует великого химика Дмитрия Менделеева на должность управляющего Главной палатой мер и весов. В 1903-м действительный тайный советник Витте (чин, соот-

«Подстаканник Витте»

ветствующий полному генералу, адмиралу) возглавляет Кабинет министров, через пару лет – новый, реформированный высший исполнительный орган власти, Совет министров.

В отставку он уходит в 1906 году, но сложа руки не сидит – выступает в Государственном совете, много печатается в газетах, предсказывает, что Первая мировая война кончится крахом, пытается взять на себя миротворческую миссию с немцами. Но он уже смертельно болен... Его смертью 28 февраля 1915 года Николай II совсем не огорчен: Витте – единственный министр, стремительно вышедший из тени императорской власти и возвысившийся во время короткого премьерства, к тому же он был сторонником твердой власти во главе с Советом министров, наделенным неограниченными полномочиями.

Так каковы же главные реформы тифлисеца Вит-

те? Первая – денежная, свободный обмен бумажных банкнот на золото приносит стабилизацию рубля, чеканятся пяти- и десятирублевые золотые монеты. И пусть острословы называют их «матильдорами» (по имени жены министра) и «виттекиндерами». Реформа укрепляет внешний и внутренний курс рубля, делает его твердой валютой, привлекает инвестиции российских и иностранных капиталов. Вторая главная реформа – винная монополия, то есть исключительное право государства на производство и продажу водки. Все остальные спиртные напитки производятся и продаются свободно, при этом российские обложены акцизом, а импортные – еще и ввозной таможенной пошлиной. Массовый потребитель, простой народ удовлетворяется казенной водкой, для состоятельных людей в свободной продаже другие напитки, казна постоянно пополняется.

А вот и другие впечатляющие результаты деятельности Витте. Когда он был министром финансов, Россия вышла на первое место в мире по добыче нефти, с 1895 по 1899 год было построено рекордное число железных дорог, в год – по три тысячи километров новых путей. Витте – инициатор строительства Транссибирской магистрали, которую проложили за десять лет и используют до сих пор. При его активном участии разрабатывается закон об ограничении рабочего времени на заводах и фабриках. В возглавляемом им Минфине для продвижения чиновников по службе обязательным становится высшее образование. В крестьянских общинах он добивается отмены круговой поруки, порки по приговорам волостных судов, облегчения паспортного режима крестьян и условий их переселения на свободные земли. Кстати, позже этими вопросами вплотную занялся ставший премьером Петр Столыпин, а Витте был смертельно обижен на

Матильда Витте

С. Витте (слева) и президент США Т. Рузвельт (в центре) в 1905 г.

то, что реформы получили название столыпинских.

И, конечно, Сергей Юльевич был искусным дипломатом. После поражения в русско-японской войне 1905 года, Петербург соглашается на мирные переговоры с Токио при посредничестве американского президента Теодора Рузвельта. В окружении царя никто не хочет выполнять эту нелегкую, унижительную миссию. И тогда возглавить российскую делегацию поручают Витте, уже зарекомендовавшему себя на различных переговорах с Китаем, Францией, Германией, Францией и той же Японией. В американском городе Портсмут он подписывает мирный договор, который все считают дипломатической победой – из позорно проигранной войны Россия выходит, как отмечали современники, «с минимальными потерями и почти благопристойным миром». Не случайно, за проведение этих переговоров Витте получает графский титул.

В личной жизни Сергея Юльевича тоже все непросто. Первый его брак вскоре после переезда в Петербург в 1879-м – с Надеждой Спиридоновной, знакомой еще по Одессе. Формально она была замужем, но с мужем не живет, и Витте приходится немало хлопотать о ее разводе. Прожили они одиннадцать лет, слабая здоровьем Надежда Андреевна умирает от разрыва сердца. Следующая избранница Витте тоже замужняя – Матильда Лисаневич, урожденная Нурок. С ее мужем Витте вступает уже в открытый конфликт, побеждает, но долгожданная свадьба может... стоить ему карьеры. Женитьба на разведенной еврейке, пусть и принявшей православие – великосветский скандал! «Одного добиться ей не удалось, несмотря на настойчивое желание, это быть принятой ко двору, – вспоминал директор департамента МИД Владимир Лопухин. – Ей одной из всех жен министров упорно в этом отказывалось. Была она женщина незаурядного ума и в значительной мере влияла на мужа. Благодаря жене, Витте отучился сквер-

нословить...» Так «словесное наследство» солдат-воспитателей и лихих гувернеров сводится на нет. Что же касается детей, то своих у Сергея Юльевича не было, так что он воспитывал дочерей своих жен от предыдущих браков – Софью Спиридонову и Веру Лисаневич.

Разъезжая по стране для решения государственных проблем, Сергей Юльевич, конечно же, бывал и в Тифлисе. Работая в Петербурге, конечно же, встречался с представителями грузинского дворянства и генералитета. И, конечно, многое, происходящее вокруг сравнивал с воспоминаниями о родном городе. В котором он запомнил грузин как людей «с большой природною честью, храбростью». В котором видел, как «грузины, армяне, татары в русских офицерских формах вели русского солдата на те бои, которые так прославили кавказскую армию». И в котором убедился, что «кавказ-

В. Серов. Портрет С.Ю. Витте. 1904

ское дворянство, по истине, массу пролило крови для пользы России и для ее чести». Он до конца жизни считал, что «решение обращать кавказцев в истиннорусских людей, которое ныне, – смею думать, временно, – царит над Россией, причиняет ей гораздо более вреда и бедствий, нежели пользы». Ну, а население Тифлиса всегда состояло для него из людей, «крайне храбрых, с громадною военною честью».

«МНЕ КАЖЕТСЯ, Я РОДИЛАСЬ В ТЕАТРЕ!»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Мариам, Мари, Мариша Кития... Участие этой молодой актрисы в спектакле или фильме никогда не остается незамеченным. Потому что Кития – это безупречная игра, внимание к тончайшим деталям, глубина, партнерство. И, что самое важное, – невероятная преданность профессии.

КРАСИВАЯ И ТАЛАНТЛИВАЯ

«Загадка, как этот скромный, без звезд, фильм молодого грузинского режиссера Тинатин Каджришвили попал в наш снобистский прокат, но чудо, что это произошло. По мне, «Брак за решеткой» (в оригинале он называется «Невесты») – один из лучших фильмов прошлого года, пролетевший мимо большинства рейтингов только из-за своей «негромкости», хотя исполнительница главной роли Мария Кития красивее и талантливее многих статусных «звезд». Бойфренд ее героини Нуца попадает за решетку – не то чтобы «ни за что», но во времена провозглашенной Саакашвили «нулевой терпимости к преступности» сроки, которые раздавали в грузинских судах, удивили бы даже сталинских соколов. Нуца и ее «невенчаный» муж Гога, отец двоих уже детей, решают официально оформить брак – за решеткой; и таких, как Нуца, десятки: гордых, красивых, страдающих женщин от 18 до 75 лет. До поры думаешь, что смотришь сильную социальную драму – в финале понимаешь, что черт с ним, проклятым, несправедливым социумом, фильм-то о любви – да такой пронзительный, каких сегодня и не найти. Удивительно искренний, эмоционально точный и честный», – пишет российский «Сноб».

Ювелирная киноработа ведущей актрисы театра имени А.С.Грибоедова Мари Кития была отмечена призом за лучшую женскую роль на нескольких кинофестивалях.

– Съемки проходили очень интересно, на пло-

Мариам Кития

щадке царила прекрасная творческая атмосфера, что целиком и полностью – заслуга режиссера. В такой ситуации актер может расслабиться и работать. Это достаточно редко бывает. Обычно все куда-то торопятся, суетятся, и при этом разрушается та самая аура, в которой актер себя нормально чувствует. В случае с нашей картиной она существовала не только для актеров, но и для всех остальных. Именно потому фильм и получился. Нуца – моя первая главная роль, первый большой опыт в кино, хоть я уже и снималась. В кино над ролью нужно работать совсем не так, как в театре. Пока я не досмотрела картину, даже не знала, правильно ли все делала. В процессе съемок была в постоянных сомнениях. В кино ты обычно настраиваешься на какую-то эмоцию, а потом ее нужно спрятать в себе, нельзя ее открыто показывать, играть. И камера схватит и обнажит даже то, что мы в жизни не увидим, не заметим. Бывают ведь такие ситуации: встретишь старого друга, зайдешь к нему домой, сядешь пить чай. А он тебя вдруг спросит: «Что с тобой?» – «Да нет, ничего, все нормально!» – «Да, ладно, рассказывай, что с тобой!» Друг чувствует, что с тобой что-то не так, хоть ты ведешь себя абсолютно нормально – не плачешь, не бьешься в истерике, не жалуешься. Напротив, стараешься скрыть свои проблемы, переживания. И вот в кино ты должен так же прятать свое состояние, в этом случае камера точно все зафиксирует и не будет наигрыша. Я решила работать именно по такой системе, что в принципе себя оправдало. Когда я посмотрела фильм, то в общем осталась довольна своей работой. Хотя признание, которое я получила, стало для меня неожиданностью. Мы представляли фильм на многих кинофестивалях, где было немало хороших картин с замечательными актерскими работами. Тем приятнее на трех фестивалях быть отмеченной за лучшую женскую роль...

Кадр из фильма «Брак за решеткой»

КИНО И ТЕАТР

– В театре ты не можешь посмотреть на себя со стороны, оценить свою работу, то, насколько ты правильно существуешь в роли. А в кино это можно сделать, даже в процессе работы. Хотя не все режиссеры позволяют отсматривать рабочий материал. Но я имела эту возможность и могла понять: здесь что-то не то, там – много, тут – мало... Может быть, в этой сцене лучше, чтобы я была не в профиль, а в анфас? Ведь имеют значение даже какие-то, на первый взгляд, мелочи. Возможность отсматривать материал мне очень помогала в ходе съемок. А в театре ты себя не видишь, поэтому приходится судить о своей работе, исходя из мнений других людей – режиссера, партнера, близкого друга. Но все равно это не ты, а значит, нет полной уверенности, что все идет правильно. Иногда тебе кажется: «О, как я хорошо сегодня сыграла!» А придет недовольный режиссер и огоршит: «Что ты сегодня творила?!» Или, наоборот, думаешь: «Какой неудачный спектакль!» А тебе говорят: «Вот сегодня было супер!» И непонятно, куда идти дальше... Но в театре хорошо то, что у тебя есть шанс на следующем спектакле исправить то, что тебе кажется неудачным. Твоя роль растет, развивается. Ты можешь играть спектакль десять лет, и каждый будет отличаться от того, что ты делал раньше. Потому что спектакль – это сегодня, здесь, сейчас, с этим зрителем. И именно потому роль растет. А в кино ты снялся – и все. Есть моменты, которые ты с удовольствием бы исправил, – но, увы, это уже невозможно. Поэтому каждый дубль нужно играть идеально, учитывая, что в итоге может остаться не самый лучший вариант, в котором, однако, было правильное освещение, микрофон не вошел в кадр, не помешал какой-то посторонний шум, собака не залаяла или кто-то не пробежал перед камерой. К примеру, у тебя может быть пять дублей, но пойдет самый неудачный из них. Просто из-за того, что он чище по техническим параметрам. В кино, увы, мало репетиций. Когда я пришла сниматься, то сразу сказала: «Не знаю, как у вас тут в кино, а я без репетиций не могу!» Просто выйти на площадку и сыграть с совершенно незнакомым актером

ситуацию, когда вы с его героем уже десять лет женаты, очень сложно. Одно дело – партнер по театру. А тут... Ты не знаешь его привычки, не умеешь до него дотронуться, обнять. А когда ты хорошо знакома с человеком, то протягиваешь к нему руку, и она уже сама «знает», что делать. У нас с моим партнером по фильму Георги Масхарашвили была возможность репетировать, мы встречались, что-то пробовали. Может быть, в итоге ты сделаешь на площадке совсем другое, но это ощущение, что мы что-то поймали, обязательно. Ведь кроме всего прочего существует большой зажим. Вокруг огромное число людей. Все сидят, смотрят на тебя, ждут. Некоторые оценивают: «Посмотрим, какая ты актриса, на что способна?» Кто-то завис с огромным софитом и изнывает: «Ну когда же они закончат?» Все это очень сложно, если нет атмосферы, в которой все хотят что-то делать, добиваться результата, стараются помочь друг другу. В другой ситуации я бы не могла работать, у меня бы возник сильный зажим...

– А как тебе твоя Нуца? Как ты оцениваешь ее поступки, порой такие противоречивые?

– Она мне нравится. Мне нравятся все героини, которых я играю. Они ведь созданы мною, это частичка меня. Поэтому моя Нуца не может мне не нравиться. Я в принципе ни одного своего героя не осуждаю. Да Нуцу и не за что осуждать. Все мы можем оказаться в подобных обстоятельствах. Можем поступить так или иначе – у всех есть момент выбора. За одну долю секунды что-то может произойти! Нуца любит своего мужа, но возникают неразрешимые обстоятельства, и ей все надоедает. Она хочет вырваться из своей ситуации, потому что попросту смертельно устала... во всех отношениях! Кризис наступает, тем более, в таких ужасных реалиях. Но когда существует настоящая любовь, все преграды ничего не значат...

ЭМПАТИЯ

«Мы привыкли видеть ее героиню этакой рыхлой плюшкой, незрелой, недалекого ума девицей, зацикленной на замужестве, потому что так требует обывательская традиция. Здесь Агафья Тихоновна – стройная девушка в очках, похожая больше не на купеческую дочь, а на отличницу-институтку. Она отнюдь не торопится замуж, она расчетлива и умна, ее незатейливые реплики кажутся преисполненными глубокого смысла», – так оценили работу Мари Кития в спектакле «Женитьба» критики на страницах журнала «Страстной бульвар, 10».

Каждая театральная роль Мари Кития – итог ее тщательной, продуманной работы, долгих размышлений над судьбами героев. Отсюда рождаются трагические образы Акулины («Достоевский. ги») и Хаи («Гетто») – сильных духом, несломленных женщин, оказавшихся лицом к лицу со злом. Зрители помнят ее огненное танго с немцем Кителем, замешанное на ненависти и сопротивлении, – танец, в котором выражены боль, протест, вызов... Хая – отнюдь не просто жертва. Как и Акулина. Гордая и смиренная, готовая прощать. У Акулины минимум слов, но как выразителен каждый ее жест, взгляд! Какая концентрация воли!

Идет «Старший сын». На сцене впервые появляется Нина – Мари Кития. И сразу возникает ощущение, как говорят, твердой руки. Нина – Мари Кития кажется излишне рассудочной, все привыкла решать сама, ни на минуту не расслабляясь... до поры до времени.

Все эти серьезные роли в репертуаре актрисы сосуществуют со сказочными персонажами – озорным подростком Малышом из «Карлсона» (Мари прекрасно передает мальчишескую пластику), милой Настей из «Двенадцати месяцев». Или жертвенным агнцем из спектакля для взрослых и детей «Хранители нашего очага» – трогательным и самоотверженным.

– Когда ты приходишь на репетицию или спектакль, тебе ничего не должно мешать. Это и есть твое актерское мастерство – умение сконцентрироваться. У тебя могут быть разные состояния, но ты делаешь свое дело. Хотя переживания тоже бывают разные. Если произошло что-то незаметное, то можно взять себя в руки и выйти на сцену. Но случись что-то серьезное – например, не дай Бог, смерть близкого человека – я вряд ли смогла бы сыграть спектакль. Существует какая-то грань, которую по-человечески я не хочу и не могу переступить. Или... если я сыграю, то вряд ли потом смогу остаться актрисой. Есть вещи более важные, чем театр. Между тем, если я испытываю не слишком серьезные переживания, то мне, наоборот, даже необходимо окунуться в работу. Я целиком ухожу в процесс и забываюсь. Личный опыт помогает мне в творчестве. Художник может взять кисть, краски и создать картину, а актер творит из своих переживаний и наблюдений. Есть такое понятие: эмпатия – осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека, то есть, ты вживаешься в какого-то персонажа, примеряешь на себя его обстоятельства и свой собственный опыт используешь, конечно.

– Есть роли, которые определяют профессиональный рост актера. Какие работы в этом смысле особенно важны для тебя, стали шагом вперед в твоём творчестве?

– Каждая моя работа – это шаг вперед в профессии. Может быть, это не всегда понятно зрителю. Ему может понравиться или не понравиться какая-то моя работа. Но для меня каждая роль – шаг вперед. Эти шаги – разные. Я нахожу новые краски, возможно, не очень заметные для других, но для меня, во мне что-то определенно меняется. Причем не имеет значения объем роли... Однажды выпускники русской группы нашего театрального вуза выступили в главных ролях в спектакле «Гетто» – это был экзамен. А мы, основные исполнители, оказались в массовке. И я создала определенный типаж, стараясь при этом не тянуть одеяло на себя. Спряталась за другими... И вот родилась моя героиня: сорокадвухлетняя женщина, мать семерых детей, очень худая, костлявая, еле передвигающая ноги, улыбающаяся щербатым ртом – один зуб у нее выбит! – стремящаяся понравиться немцу. Она пыталась еще кое-как танцевать, повторя-

ла какие-то движения за другими. Я получила огромное удовольствие от этой работы, хотя никто, наверное, уже ее не помнит.

– Многим полюбилась твоя Акулина из спектакля «Достоевский.ru». У тебя там не много текста, роль выстроена в основном на пластике.

– Я очень люблю эту роль и этот спектакль. Каждый раз я играла свою Акулину по-другому, искала какие-то краски, ходы. Обратилась к типажам с картин Амедео Модильяни. Удлиненная шея, небольшая голова наклонена набок. Если представить, что герои Модильяни вдруг ожили и стали двигаться, то их пластика, я думаю, была бы такой же, как у моей Акулины. Иногда я ее теряла, но вновь находила. Я люблю «молчаливые» роли. И в жизни молчанием можно выразить гораздо больше, лучше и правдивее, чем словами. Самые важные мысли, эмоции порой невозможно передать на вербальном уровне. И еще. Огромное значение имеет партнер. Например, когда Валерий Харютченко, играющий моего отца Сарафанова, сидит как ребенок в одной из наиболее драматичных сцен «Старшего сына», мне уже становится не по себе. Смотришь ему в глаза, наполняешься живыми эмоциями и можешь потом легко сыграть сложную сцену. А если от партнера на сцене ничего не идет, приходится фантазировать, что-то вытягивать из себя. Хороший партнер – это, по сути, все, что тебе нужно.

ШКОЛА

– Зрителям запомнилась и твоя Груше из спектакля «Кавказский меловой круг», поставленного Авто Варсимашвили на сцене Свободного театра.

– Мне было очень сложно. Я училась четыре года у режиссера и педагога Гоги Маргвелашвили. Обычно он работает очень скрупулезно, а это, естественно, требует немало времени. У Авто Варсимашвили совершенно другой стиль. Нужно быстро мобилизоваться и сразу включаться в процесс. Это было непривычно, и у меня пошел сплошной зажим. Помню, читаю свой текст и ничего не понимаю. Кто я? Что я? Что делаю?

Сцена из спектакля «Холстомер. История лошади»

«Гетто»

«Женитьба»

К тому же я тогда не была знакома с актерами Свободного театра... словом, чувствовала себя ужасно. Для меня это стало шоком, я была в смятении – тем более, что мне поручили такую ответственную роль. Но в итоге спектакль получился замечательный, даже жаль показывать его только на малой сцене. Когда мы ездили с «Кругом» на гастроли и играли его на больших сценических площадках, то все дышало и становилось глобальным. Это и в самом деле масштабный спектакль, в котором очень много эмоций. Особенно люблю одну сцену, когда убивают Георгия Абашвили – и он начинает петь «Шен хар венахи». Поднимается, его вновь убивают, но он опять и опять «восстает» как виноградная лоза, прорастающая вопреки всему. Это просто гениально! В большом пространстве сцена выглядит особенно эффектно. Так, что даже дух захватывает.

– Чему научилась у отца, режиссера Гии Кития, возглавлявшего русский ТЮЗ?

– У меня вообще была очень хорошая школа. Я не только от отца многое получила, но и от актеров Вики Куль, Сережи Лютрова, Миши Нерясова... В ТЮЗе вообще работали настоящие корифеи, потрясающие актеры! Так что у меня были фантастические партнеры. Не было ни одного человека в труппе, который хотя бы чуть-чуть недотягивал. Для меня это была и практика, и теория. Я же еще и в студии училась, где мы проходили актерское мастерство, сценическую речь, пластику, вокал. Мы очень много читали, плюс я постоянно слушала режиссерские лекции отца. Это огромная школа – целиком весь театр, особая атмосфера в нем. В ТЮЗе не было никаких интриг, все любили друг друга. Мы были домом, одной семьей.

– Ты на сцене с детских лет. Это хорошо для будущего актера – так рано начинать?

– Хорошо. Скажу, что у меня было самое счастливое детство! Я жила жизнью своих сказочных персонажей. Они были настоящие, живые, и я себя очень хорошо чувствовала. Если это действительно хороший театр, если в нем работают талантливые режиссеры и актеры, которые вме-

«Психоз»

«Хранители нашего очага»

сте занимаются творчеством, то это прекрасная школа для начинающего артиста.

– А потом в твоей жизни появился новый педагог – Гоги Маргвелашвили...

– Это очень мне близкий человек. У Гоги я научилась уменью терпеливо, тщательно отделять каждый кусок роли. С ним я могу часами сидеть и думать о своей героине, фантазировать, кто у нее была даже прабабушка. Искать какие-то типажи в интернете. А потом еще и с улицы что-то принести. Пробовать одно, другое, третье... Мне этот процесс доставляет огромное удовольствие.

«СЕРЬЕЗНАЯ, ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНАЯ...»

– Так говорят о твоей Нине из «Старшего сына». Мне кажется, это качество вообще тебе свойственно. Не зря один приглашенный российский режиссер выражал восхищение тем, как вдумчиво ты относишься к своей работе. Это тоже воспитано в детстве или пришло тебе от рождения?

– Не знаю... Я настолько долго в театре. Мне кажется, я родилась в театре, на сцене. Поэтому не могу сказать, это мое природное качество или оно воспитано в театре. Для меня серьезное, ответственное отношение к тому, чем занимаешься, вполне естественно. Я прихожу в театр иногда даже раньше, чем нужно. Так выходит. Для меня нормально – заранее проверить костюм, реквизит. Это как выпить чай, а потом вымыть чашку и поставить ее на место. Скорее всего, это приобретенное качество.

– А насколько для тебя важно поощрение, оценка?

– Для меня это очень важно. Особенно в театре. В кино я могу себя сама объективно оценить – передо мной готовый результат. И я могу сказать, хороший он или плохой. Есть какие-то моменты, которые мне нравятся или не нравятся в моей работе. И кто бы что ни говорил, меня не переубедишь. Конечно, я учитываю мнение отца, других людей, которым доверяю. Хотя авторитетом для меня может быть вовсе не человек теа-

тра.

Для меня главное – делать что-то новое, то, что я не пробовала раньше. Стать лучше, чем я сегодняшняя. Превзойти саму себя. Вот – планка. Чем больше растешь, тем выше планка. Какие-то вещи сегодня я делаю лучше, чем вчера. А другие пока не получаются. Но я стремлюсь к преодолению.

– Судя по всему, ты комфортно ощущаешь себя в профессии?

– Да, комфортно. Если есть роль, над которой нужно работать, то актеру больше ничего и не надо. Но существуют и свои сложности. Есть такие актеры, которым скажешь – раз, и они сделают то, что нужно. Я, к сожалению, так не умею и потому иногда недовольна собой. Нужно учиться быстрее мобилизовываться. Это другой стиль творчества, тоже интересный и полезный. Если я смогу добиться того, чтобы работать быстро и результативно, то буду молодчиной. Это то, чего не хватает мне на сегодняшний день. С Авто Варсимашвили я учусь работать именно так. Для меня такой метод – большой творческий опыт, и я рада, что у меня есть возможность научиться и этому.

– Был у тебя еще один интересный опыт – работа в экспериментальном спектакле «Психоз» по скандальной пьесе английского драматурга Сары Кейн. Что дает актеру подобный опыт?

– В спектакле у меня был чудесный партнер – талантливая актриса Руска Макашвили. У нас вообще сложилась потрясающая команда – режиссер, художник, техрежиссер, автор музыкального оформления... Все работали дружно, потому спектакль и получился. Участие в спектакле, в котором показано раздвоение личности и самоубийство, никак не повлияло на нашу психику, душевное состояние – скорее наоборот. Мы как-то... успокоились, гармонизировались.

Главное в жизни – обрести мир и гармонию внутри себя, найти ту самую золотую середину.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ГРЕМИ

■ **Медея АМИРХАНОВА**

На берегу реки Инцоба возвышается величественный город Греми. Замок и церковь из красного камня с бирюзовыми куполами привлекают к себе внимание путника. Если вы не переступали порог этого замка, считайте, что не знаете Кахети.

Первые поселения в Греми, предположительно, относятся к бронзовому веку. В исторических источниках Греми упоминается со второй половины XV века. В 1466 году кахетинский царь Гиорги перебирается сюда на постоянное жительство и провозглашает Греми столицей Кахети.

Через город пролегал Великий Шелковый путь. Караваны из Персии и Северного Кавказа везли золото, серебро, ковры,

оружие, из Кахети возвращались с вином и шелками. По левую сторону современной трассы (если ехать от Греми) можно увидеть фундамент старинной общественной бани. В Греми существовал закон: прежде, чем войти в город, путники и торговцы должны были искупаться, смыть с себя дорожную пыль, и, возможно, недуги-болячки. Вполне себе разумный канон.

Развитие Греми связывают с именем царя Левана, правившего в середине XVI века. В 1565 году он построил церковь архангелов – Михаила и Гавриила. Город площадью в 50 гектаров состоял из трех частей: церковь, царская резиденция, торговый район и жилые дома. Имелась гостиница для торгов-

цев (карвасла). Кстати, и сейчас на территории Греми есть гостиница, построенная в восточном стиле. Заночевать в ней – роскошь, не каждый осилит плату за номер.

В Греми функционировали обсерватория, академия – образованию уделялось серьезное внимание. Достопримечательностью дворца считались римские бани, где монаршие особы отдыхали и умом, и телом. Благодаря реконструкции посетители Греми могут составить впечатление о тех временах. Царский двор украшали пять фонтанов с рыбками. Между фонтанов чинно расхаживали павлины.

Город Греми имел рациональную систему водоснабже-

ния и персонал, отвечавший за исправную подачу воды. В музее Греми хранятся фрагменты керамических труб. Их протяженность составляла несколько километров.

Преодолев ступени, ведущие к цитадели с замком,ходишь в каменную арку. Церковь архангелов открыта, можно войти и поставить свечу. Что примечательно, сжигая Греми в

1616 году, Шах-Аббас не тронул храм. Чего-чего, а божьей кары боялись даже самые жестокие завоеватели. Лица на фресках, правда, стерты – их постарались соскоблить.

Справа от входа – могила царя Левана. На ее местонахождение указывает фреска, где царь Леван с моделью церкви в руках. К слову, супруга монарха, царица Тинатин похо-

ронена в монастыре Ахали Шумамта, ею же и построенном. Не снесла царица измен, сильная обида вынудила ее отдалиться от мужа и прожить свой век в уединении.

Церковь и замок построены очень близко, почти вплотную. Сначала попадаешь в главный зал, где разрешалось находиться лишь членам царской семьи. Здесь также принимали послов и гостей из различных держав. Ныне зал декорирован портретами монархов, которые выполнены художником Леваном Чогошвили (1985 год). Причем облик царя Георги I – чистая фантазия, т.к. его изображение не сохранилось. В царском зале демонстрируется фильм про Греми. Здесь также выставлен образец снаряжения кахетинского воина и женского царского костюма.

Позади зала располагается коридор, в правом конце которого мужской туалет XVI века, в левом – крутая лестница на второй этаж. В коридор ведет маленькая стеклянная дверь из

зала. В прежние времена заднюю дверь всегда запирали.

Где еще можно увидеть место, куда цари пешком ходили? Только в Греми! В туалете – деревянное кресло, и столик с серебряным кувшином и тазом. Война могла застать царя и в такой деликатной ситуации, поэтому в туалете есть бойница (окошко для стрельбы).

Каменные лестницы, ведущие на верхние этажи – очень узкие. По ним можно взбираться по одному, друг за другом, высоко задирая ноги. Высота одной ступени (на глаз) – 20-30 см. Невероятная крутизна, местами почти прямая вертикаль. Потом вдруг – неожиданный поворот. Про эти лестницы написал Заболоцкий («Башня Греми», 1949 год):

Ух, башня проклятая! Сто ступеней!
Соратник огню и железу,
По выступам ста треугольных камней
Под самое небо я лезу.
Винтом извивается башенный ход,
Отверстие, пробитое в камне.
Сорвись-ка! Никто и костей не найдет.

К счастью, для туристов сделаны железные поручни.

...Строение в первую очередь отвечало целям безопасности. На такой лестнице легко было прикончить врага, проникшего в замок. Только высунул голову из-за поворота и получил смертельный удар. Чтобы обитатели замка могли контроли-

ровать ситуацию, в потолках оставляли круглые окошки. Есть такое окошко и на втором, и на третьем этажах. Помимо того, окна выполняли функцию «телефона», позволяя переговариваться с одного этажа на другой, и «почты» – на веревке можно было опускать-поднимать разные предметы.

На втором этаже – старинные сельхозорудия: молотильные доски (для выбивания зерна из колосьев пшеницы и др.), большая деревянная лейка, веревка из кожи и т.п. На случай, если возникла необходимость экстренно укрыться в безопасном месте, пользовались тайным туннелем на втором этаже. Еще один тайный ход вел со двора к реке. Сейчас он закрыт.

С площадки третьего этажа открываются изумительные виды: слева – Алазанская долина, справа – заснеженный Кавказский хребет.

Греми просуществовал 150 лет. Две огромные державы – Персия и Османская империя (Турция) стремились прибрать к рукам обособленные грузинские княжества. Но кахетинское царство ослабевало и из-за внутренних противоречий: между членами монаршей семьи шла борьба за власть и за трон.

После смерти царя Левана на трон вступил его сын Александр II. Он продолжил политику отца, благодаря чему Кахети оставалась сильным и процветающим центром. Заявляя о покорности Шах-Аббасу, Александр II стремился завязать от-

ношения с Россией и Турцией. Персию не устраивало сильное кахетинское царство. Александру II начали подыскивать замену. На роль преемника идеально подходил один из сыновей Александра II – Константин. Тот с детства рос при дворе Шаха и даже успел принять ислам. Надо сказать, многие кахетинские принцы воспитывались и получали образование в Персии. Разумеется, ни один грузинский царь не желал такого сценария для своих детей, но того требовали правила вассальной зависимости. «Убей отца и стань царем», – такой наказ получил Константин от Шах-Аббаса. Он попросил отца о встрече, якобы обсудить военные дела, и спровоцировал ссору. На ничего не подозревавшего Александра II набросились вооруженные кызылбаши, убийство брата Георги Константин взял на себя. Кызылбаши расправились и с представителями грузинской знати. Когда бойня закончилась, Константин лично отрезал головы отцу и брату, и отправил их Шах-Аббасу(!). Ужасы средневековья, от которых кровь стынет в жилах!!! Но от истории не уйдешь.

Константин провозгласил себя царем Кахети и предложил невестке Кетеван, вдове своего брата Давида I, стать его женой. Не могли кахетинцы смириться с такой подлостью и позором, поднялся бунт, который возглавила Кетеван. Во время схватки Константина убили, войско персов потерпело поражение. Ничего не оставалось Шаху, как утвердить на трон сына Кетеван – Теймураза I.

Но в Персии приняли окончательное решение – совершить «зачистку» Кахети, полностью освободить его от грузин. В 1614 году Шах-Аббас требует у Теймураза I в доказательство верности прислать к нему сына. Теймураз отправляет в Персию свою мать – царицу Кетеван и детей.

В период с 1614 по 1616 годы Шах-Аббас не раз нападает на Кахети. Теймураз I проигрывает в этой неравной борьбе и вынужден переместиться в Картли. В Греми не осталось камня на камне. Озверевший, движимый слепой яростью Шах-Аббас требует выкорчевать лозу, уничтожить тутовые деревья, чтобы никогда на этой земле ничего не всходило, не произрастало. Больше 100 тысяч грузин были переселены в Ферейдан, сколько было убито... Греми, некогда процветающий город, пал, пришел в запустение.

Шах-Аббас жестоко отомстил Теймуразу. Погубил его сыновей и подверг страшным пыткам царицу Кетеван – за отказ перейти в иную веру.

Со временем функцию главного города Кахети получил Телави. Прошло 400 лет со дня падения Греми, но Кахети продолжает жить и процветать. Здесь по-прежнему выращивают виноград и поют песни. Всего добиваются своим трудом и верят в лучшее. Грузинский ген неистребим, он как феникс тысячу раз возрождался из пепла. Навстречу новой жизни и новой судьбе.

Воспоминания

Продолжение

■ **Ганна ЭЛИАВА-МАЛИЕВА**

Часть IX

Если в начале моего заключения моими товарками по несчастью были, в основном, женщины солидные, когда-то бывшие причастными к политике и революции (теперь же полностью переключившиеся на заботы о семье), с некоторой обидой и чувством оскорбленного достоинства смотревшие на меня (как человека незрелого и к политике непричастного), начиная с осени 1937 года камера заполнилась пестрейшей массой жен сколько-нибудь заметных партийных и, реже, научных работников. Чаще всего это был стиль людей «парвеню», внешний блеск которых зависел от положения, занимаемого в новом обществе. Естественно, потеряв внезапно опору своей «значительности», они выглядели весьма непривлекательно. Всю показную «культуру» как рукой снимало. В тесноте и «тазиковых» условиях заключения расцвели пышным цветом уже не сдерживаемые «светскостью» низменные человеческие инстинкты. Бывшие «дамы» вступали в грубейшие ссоры из-за горбушки хлеба (утром раздавали хлебные пайки-серединки и горбушки мокрого черного хлеба), из-за места для сна

(ближе к окну и подальше от параши), из-за очереди для внеочередного выхода в уборную и т.п.

«Суды» прекратились. После длительного затишья, после того, как самым экстренным образом были окончены допросы всех жен – по формальному «вопроснику», что было поручено не только следователям (их катастрофически не хватало для возросшего числа заключенных), но и всем служащим НКВД, включая парикмахеров, начали поступать массовые приговоры. Цифры были стандартные – 5 и 8 лет (крайне редко – 3 года). Эти приговоры принимались покорно, драм никто не устраивал.

Первый массовый приговор жен и членов семей был в феврале 1938 года. В числе приговоренных были и самые мои близкие: Тася (8 лет) и Лолота (5 лет). Судьба этой первой партии очень горячо волновала оставшихся в ожидании решения своей судьбы. Поэтому в пределах наших возможностей мы все старались выяснить, что с ними будут делать, куда высылать. Приговоренных из всех камер объединили и поместили в нашем же корпусе на пару дней. В уборную они ходили мимо нас, окликали нас и, зайдя в уборную, начинали с нами перестукиваться, сообщая обо всем, что с ними проис-

ходило. Особенно отчаянно, потеряв всякую осторожность, перестукивались в день их перевода в корпус для осужденных. Лолота и Мурка Правдина совсем отчаянно колотили деревянными ложками в стенку и были пойманы с поличным. Лолота, видимо, как осужденная, избежала наказания, а бедную Мурку держали в карцере пять дней. Карцер – каменная каморка без света и постели, холодная и сырая. Питание – 300 г хлеба и вода. Компания – крысы. Возвращение в камеру было для Мурки настоящим праздником.

Впоследствии стало известно, что этот первый «женский» эшелон отправили в Потьму, где только начальство и охрана – мужчины.

Приводили и уводили женщин, в большинстве своем чьих-то жен, изредка с так называемым «личным делом», проходили бесконечно тянувшиеся минуты, часы, дни, складываясь в вихрем пронесившиеся месяцы... Мое дело не заканчивалось. Меня не трогали, не вызывали. Шел уже второй год заключения. Менялись камеры, учащались знакомства и прощания. Передо мной промелькнули десятки, сотни, много сотен лиц. В памяти удержались немногие.

Часть X

Чтобы отвлечься от гложащих душу мыслей, чтобы прекратить, хоть на время, бесконечные мелкие распри, мы придумали рассказывать, кто что помнит из прочитанного, виденного или слышанного, что могло бы занять «публику». Затея эта оказалась весьма успешной. Вскоре выяснилось, что мне это удастся лучше других, и я стала «профессиональной» рассказчицей. Численность моей аудитории была разнообразной: чаще 20-30 человек, но был случай, когда я, восседая на троне из нескольких подушек (услужливо предоставленных моими сокамерницами), возвышалась над аудиторией в 300 человек (здесь можно было громко говорить – это была «осужденка»).

Однажды я рассказывала «Суламифь» Куприна. Был вечер начала лета. В камере было тихо, настроение подавленное. От нас увели в неизвестность многих наших сокамерниц. Камера была большой и непривычно малонаселенной. Где-то под потолком тускло мерцала слабая лампочка. Я сидела на кровати, опершись на изголовье, спиной к камере, лицом к окну и, не отрывая взгляда от узкой полоски у самого верхнего края окна между щитом и стеной, полоски темного неба, усыпанного звездами, – рассказывала вполголоса. Наверно, это был не совсем Куприн, во всяком случае, очень мало от него, но на меня нашел дух импровизации, и я вдохновенно выводила узоры из сверкающих камней фантастических сокровищ Соломона по канве Куприна. Во мне, вероятно, говорила тоска по сказке, любви, красоте; тоска молодого тела... Я говорила с собой и со звездами и была очень взволнована. Когда я закончила, в камере было так тихо, точно она была пуста. Через минуту из дальнего угла донесся низ-

кий голос: «Большое вам спасибо!» – это была старушка-латышка 91 года, арестованная за то, что ее сын 53-х лет, находившийся десятки лет в Германии, присылал ей время от времени письма и деньги. Старушка эта, сохранившая вполне светлую голову, была очень немощной – лежать она не могла, спала сидя и ходить могла только при поддержке с двух сторон; почти не видела. Ей дали 10 лет заключения в лагерях по подозрению в шпионаже. Когда ей объявили приговор, она сказала: «Спасибо, что вы мне разрешите прожить еще 10 лет!»

Вспоминаю Эмилию Зеземан (отец которой был основателем минералогического музея в Ленинграде, а муж первый инженер-мостовик, соорудивший мост в Боржомском ущелье), – женщину 79 лет, прямую и стремительную, как стрела, беседовавшую со мной часто и много на отвлеченные темы (например, о своих впечатлениях на традиционных Вагнеровских торжествах, посещавшимися всеми выдающимися представителями мира искусства и высокогородными лицами) на французском языке. Получила 8 лет.

Помню я милую Мэри, девочку 15-ти лет, арестованную со всем своим классом, девочку, засыпавшую с куском хлеба, зажатым в кулаке, прижимая его к пухлым детским губам. Все мальчики были расстреляны. Мэри получила 10 лет – «организация», впоследствии полностью реабилитирована. Вспоминаю и бедную крестьянку, жену председателя колхоза, мать пятерых детей, брошенных на произвол судьбы. Помню, как ее вызвали из камеры и вернули через 10 минут. В открытой двери за ней, маленькой и застенчиво-вопросительно улыбавшейся, возвышался огромный русский вахтер, который бросил нам в камеру: «Объясните, что ей дали 10 лет». (Бедняжка не понимала по-русски).

Дошла очередь и до меня. Признаться, когда я спускалась в комендатуру в сопровождении вызвавшего меня вахтера, чуть-чуть надеялась на

Ганна Элиава-Малиева

чудо: а вдруг отпустят домой?! Так долго без приговора, как меня, еще никого не держали. Было ясно, что не знали, как со мной быть, а старые вахтеры нашептывали моим товаркам: «Ее отпустят, вот увидите». И как не старалась бороться с проблесками надежды (чтобы разочарование не было слишком горьким), где-то теплилась искорка. Однако приговор последовал: 5 лет, как социально-опасный элемент (СОЭ). Ничем не проявив своей подавленности, я вернулась в камеру.

Незадолго до этого произошло следующее событие: нам объявили банный день и велели быть готовыми через полчаса. Пока же мимо наших дверей проходили наши недавние подруги, уже приговоренные, но еще не переведенные в корпус осужденных. Поравнявшись с нашей дверью, уже не боясь тюремных наказаний, они нам сообщили: идем в баню. Мы приготовились и стали ждать своей очереди. Был день. Проходил час за часом, стали сгущаться сумерки. Наступил вечер. За нами не шли. Подруги не возвращались. Страх перед неизвестностью стискивал сердце все сильнее. Мы ждали молча и неподвижно, напрягая слух. Вдруг нам послышались сначала отдаленные, потом ближе и ближе крики, стоны и причитания многих женских голосов. Слов нельзя было различить. Мы похолодели. Наконец до нас стали доходить отдельные выкрики: «Что с нами сделали!!!» – по-русски и по-грузински. Так они и прошли, тяжело шаркая ногами, с плачем и стоном мимо наших дверей.

Для нас в этот день бани так и не было, хоть мы и прождали ее в слепом страхе всю ночь. Все выяснилось позже: тюремное начальство получило из центра циркуляр о санитарных мерах при

отправке по этапу в летнее время. Ввиду большой скученности, во избежание тифа (сыпного!), предлагалось тщательно проверять отправляемых на наличие вшей, проводить санобработку вплоть до бритья головы (при необходимости). Чтобы зря не возиться с проверками, было решено: убрать волосы и никаких забот! Женщины кричали, плакали, ругались, закатывали истерики, падали в обмороки: у некоторых были сердечные припадки – их тут же отвезли в больницу, предварительно обрив. Казалось бы, сняв голову по волосам не плачут. Плачут, и очень горько. Ведь это было предельно унижительно.

Часть XI

В конце июня 1938 года меня, уже СОЭ, перевели в камеру, где была только одна заключенная, моя милая приятельница Нинико Чхаидзе-Швангирадзе – прехорошенький «мальчик». Через пару часов нас перевели в корпус осужденных, где режим был намного легче. В камеру вход и выход были свободными, в уборной хоть ночуй, окна большие и широкие, без щитов!

В нашей камере было 300 человек. Многих я знала в лицо или понаслышке. Большинство были красавицы от 30 до 35 лет, именно были, ибо теперь на подушках коек, стоявших в четыре длинных ряда – валялось множество арбузов и дынь разнообразных форм и размеров. Несмотря на то, что двери и окна были открыты настежь, жара стояла удручающая и все были в трусах и лифчиках. Шишковатые, сплюснутые, вытянутые, большие и маленькие, с оттопыренными ушами черепа, раньше прикрытые так украшающими волосами, были безобразны.

Я пришла в эту компанию с волосами. Обезображенные женщины проявили трогательную заботу о сохранении моих волос (велели туго затягивать косынку – как будто волос нет и т.п.) Однако, считая ниже своего достоинства хитрить, при первой же санобработке я сама заявила о своих волосах и была обрита (парикмахер, заключенный-уголовник, долго извинялся передо мной, что ему приходится снимать мне волосы). Против ожидания, голова у меня оказалась вполне аккуратной и уродом я не стала.

После нескольких дней таскания и перетаскивания разных постельных вещей в термическую и химическую обработку (зачастую вещи портились, линяли и всегда обретали мерзкий запах), нам объявили об отправке в этап. Было это в первой половине августа. Вечером всех 300 женщин с вещами вывели в тюремный двор, посреди которого стоял стол (заваленный делами заключенных), ярко освещенный висящей над ним многосвечевой лампой. Всем нам было приказано сесть (на свои вещи, на землю – кто как мог) и началась процедура отправки. Вызывали к столу, спрашивали анкетные данные, обыскивали и погружали в грузовики. Длилось это до рассвета. Я осталась одна и на меня уставились с большим удивлением тюремные работники:

я не числилась в списке этаплируемых. Меня вывели по ошибке. Эта мелкая оплошность стоила мне 3-х недель больницы. Ночь, проведенная на асфальте двора, вызвала новое воспаление коленного сустава, на этот раз другой ноги.

Там на моих глазах произошла незабываемая трагедия. В больницу привели женщину лет 35 с дизентерией. Пока освобождали ей место, она присела на край моей кровати и рассказала, как она страшно тревожится о судьбе своего маленького сына, оставшегося после ее ареста в одиночестве. Это было днем. К вечеру она стала бредить, а на пятый день, превратившись буквально в обугленный скелет, умерла. Не успела она остыть, как к ней кинулись уголовники и стали выдирать золотые коронки. Это было ночью. Картина была такая чудовищная, что это невозможно забыть.

Как только меня выписали из больницы, я была отправлена в этап с небольшой группой заключенных. Те 300 женщин ехали в специальном поезде прямого назначения в Акмолинск, где сами себе построили лагерь. Я же ехала другим методом. Конечно, целью моего назначения был Карлаг, но попала я туда поэтапно. Остановки – от недели до месяца – происходили в нескольких городах (вернее, тюрьмах): Баку, Красноводск, Ташкент, Алма-Ата, Петропавловск. Перед отправкой и при приеме в очередную тюрьму происходил обыск (личный и вещей), производимый очередными конвоирами бесстрастно и грубо. Обычно содержимое узлов и чемоданов вываливалось прямо на землю кучей и затем следовало требование быстро собраться. От личных обысков я была каким-то образом избавлена.

В дороге выдавался сухой паек – хлеб и сушеная рыба. Воды давалось мало и редко, так как конвоирам было лень таскать воду со станций. Везли нас в пульмановских вагонах (купейных), где вместо двери в коридор была решетка. По коридору ходил непрерывно дежурный конвоир. В купе было человек восемь. С женщинами обращались несколько мягче, мужчинам было много хуже. У них в купе народу было больше и, если женщин выпускали в уборную легче, то мужчин водили только два раза, не делая никаких исключений.

Часть XII

Первая остановка (с неделю) была в Баку. Условия там были прямо «курортные»: свидания, передачи, открытые двери камер (закрывались только на ночь) – ходили друг к другу в гости, в уборную, когда хотелось (какое это было счастье!). Правда, коек не было и мы, ели и спали прямо на полу, но это был пустяк по сравнению с другими возможностями. Население бакинской тюрьмы встретило нас, завидя издали, дружными восклицаниями: «Бритые! Это – тбилисцы!». Нигде в других республиках такой операции не проводили.

Из Баку нас отправили в Красноводск. Ехали мы в трюме парохода через Каспийское море и при-

были в настоящий ад. Был конец августа 1938 г. Стояла удушающая жара. Местность представляла собой совершенную пустыню. Тюремное здание – небольшое одноэтажное строение. Одна женская камера. Вход в нее через ряд мужских камер. 40 женщин – осужденных, подследственных, отбывающих срок наказания и транзитные этапницы – уголовные и политические. Дети с осужденными матерями, новорожденный, никогда не проветриваемое помещение, ведерная бочка – параша. Невероятная грязь. Клопы, вши, шествующие по полу просто дивизиями. Сумасбродный начальник тюрьмы, отменявший на три дня прогулки, если слышал шум в камере (40 женщин!). Во время прогулок можно было забежать в уборную и ополоснуться под душем с морской водой (на оправку и прогулку давалось 10 минут). Большой недостаток воды – на сутки давался один стакан пресной воды на человека: хочешь пей, хочешь мойся, хочешь – сохрани как память.

Настроение безнадежное. Говорили, что этапные задерживаются месяцами. Мне очень повезло: через 4-5 дней я покинула это гнуснейшее место.

Из Красноводска мы попали в Ташкент. Там было значительно свободнее. Много времени мы имели возможность проводить на открытом воздухе и помещались в огромных, высоких, с двухэтажными нарами, бараках. Тут я пробыла один месяц и повстречалась со многими тбилисцами. Среди этих последних была и фрау Зеземан. Ее почему-то поместили в барак с уголовницами. Выглядела она на этих пересылках уже далеко не так бодро. Видимо, прихварывала. С уголовницами старалась иметь как можно меньше общего. Однако в очень печальный для себя момент помощь она получила именно от них. Уборные наши состояли из ям, перекрытых щитами, с двумя отверстиями. После очистки ям щиты клались небрежно и жертвой такой небрежности стала Зеземан. Она провалилась в яму,

Ганна с супругом Юрием Малиевым. Конец 1940-ых гг.

одетая в теплую одежду (стоял октябрь) и в пальто до пят. На ее крики о помощи прибежали женщины, но никто кроме уголовниц не решился протянуть ей руку помощи. Отпетые преступницы, осыпая немислимой бранью пострадавшую и ее товарок-бе-лоручек, вытащили старуху, отмыли и отстирали.

5-го ноября в канун годовщины революции нас привезли в Алма-Ату. Было уже холодно. На цементном полу тюремного двора валялись все наши вещи, вывернутые из узлов и чемоданов. Изымались все вещи, имевшие хоть в какой-нибудь своей части красный цвет, чтобы мы не могли осквернить его. Праздники мы провели в тесной темной камере со смешанным составом. Мне запомнился хлеб: черное, мокрое глинистое месиво с отрубями, совершенно, даже при нашей полуголодности, несъедобное. Страшная, краснорожая, растрепанная, здоровенная баба у дальней стены, сидевшая поджав под себя ноги, рассказывала во весь голос, смакуя и повторяя подробности, как она зарубила топором своего неверного мужа. «Если бы он жил, – подытожила она, – я бы его снова убила (нецензурная брань)!»

После праздников нас повезли дальше. Очередная остановка была в Новороссийске. Тут в пересыльной тюрьме было огромное количество заключенных и нас распихали по разным камерам, как всегда пропустив через санобработку. Но на этот раз для меня это не прошло бесследно. Поскользнувшись в бане, я упала и сильно ушибла копчик. Боль была такой пронзительной, что я на мгновение потеряла сознание. Потом я еще долго мучилась. Больше месяца я не могла ни встать, ни сесть, ни согнуться без острой боли. Поздно вечером, вся разбитая, я была втиснута в камеру, где все уже устроились на ночлег. Не только двухэтажные нары были забиты людьми, но и на полу не было даже места, куда поставить ногу. Кое-как, почти наступая на спящих, я пробралась к нарам и присела на краешек около столба, поддерживавшего второй этаж нар, в широких трещинах которого густо сиде-

ли жирные, раскормленные клопы, напоминавшие треснувший спелый гранат.

Потом была пересылка в Петропавловск. Там мне запомнилась процедура купания. Полностью обнаженные женщины перед входом в банное помещение получали из рук мужчин-уголовников кусочек мыла. Наконец в декабре нас привезли к месту назначения – в Карлаг.

В распределительном пункте Карлага – Карабасе я пробыла около месяца. Это была довольно обширная зона, застроенная длинными бараками и обнесенная колючей проволокой. Сначала нас поместили в огромный общий барак с двухэтажными нарами и самым разнообразным контингентом заключенных. Грязь, вонь, холод, темнота. Стекла в окнах в основном выбиты. Дыры занавешены тряпками. В составе врачебной комиссии, принимавшей наш этап, была врач, которая посоветовала нам пожаловаться на чесотку, это избавит нас от общего барака: нас изолируют как «заразных» больных и поместят в более комфортабельные условия. Только придется терпеть ежедневную неприятную процедуру, так как нас будут мазать вонючей противочесоточной мазью. Совсем было приунывшие, мы радостно ухватились за предложение. Нас, человек 11 (в основном, «политических» из Тбилиси), перевели в небольшой, светлый, чистый, отапливаемый барак и установили нам полубольничный режим. В перерывах между «лечебными» процедурами мы пытались как-то отвлечься. Продолжались рассказы прочитанного и виденного, к чему прибавилось пение опер; благо, тут можно было шуметь. Оперы исполняла я. «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Риголетто», «Травиата», «Аида» и другие, полностью, от начала и до конца, на разные голоса, с необходимыми комментариями, а иногда и с изображением оркестра...

К концу декабря идиллия эта закончилась. Несмотря на снежный буран и низкую температуру, 30 декабря нас отправили в пеший этап на предназначенный нам пункт работы – Котур. Добирались мы туда двое суток. Короткие зимние дни да снежная мгла давали возможность проходить за день не более 10 км. Мы шли налегке – наши вещи были погружены на сани, на которых и устраивались женщины, доходившие до изнеможения. Долго, в сильный мороз, оставаться без движения было невозможно. Чуть отдохнув, этапиремые возобновляли путешествие пешком. Эмилия Густавовна Зеземан, одетая более чем легко, будучи не в состоянии идти, с самого начала улеглась на сани и скоро превратилась в замороженную чурку. Сопровождавшие нас конвоиры вкатили ее (как бревно) в избушку метеорологов, находившуюся по дороге, с тем, чтобы на обратном пути захватить с собой для предъявления к отчету о сданном количестве заключенных. Тем временем короткий день приближался к концу, и нас пригнали к месту ночного привала – длинный барак с одной слабой лампочкой под потолком, наполненный туманом от человеческих испарений. Была какая-то

А. Островский. «Чужой ребенок». Джесказган. 1943

кормежка, а затем укладывание на пол вповалку. Мы уже знали о судьбе Зеземан. С тяжелым сердцем я стала погружаться в сон, как вдруг открылась дверь и в густом облаке, образованном морозным воздухом, ворвавшимся в барак, возникла фигура, взывавшая загробным голосом: «Ганночка! Где тут Ганночка?» Спросонья, в неправдоподобном полумраке этот призыв прозвучал жутковато. Это был голос Эмилии Густавовны. В хибарке на дороге она отогрелась и ее доставили по назначению. К сожалению, это не обошлось без последствий. Жестоко простудив низ живота, она, долго и тяжело проболев, скончалась. На следующий день марш продолжался и уже в полной темноте, в канун нового, 1939 года, мы прибыли на место. Нас не ждали и на ночь распилили по разным помещениям. Не разобрав в темноте, что моя литературная статья носит «политический» оттенок, администрация лагпункта распорядилась впихнуть меня в компанию бытовиков, которые размещались на перевалочном пункте для возчиков и их лошадей. Меня ввели в крошечный мрак, окриками направляя сзади. Я шла вперед, то и дело наткаясь на отдыхающих лошадей – передняя часть барака была отведена под конюшни, пройдя через которую я попала в огромное темное помещение с мерцающей под крышей одинокой лампочкой. Двухэтажные нары набиты битком; удушливая атмосфера из смеси испарений давно не мытых тел и грязной одежды, невообразимый шум и возня (мужчины и женщины вместе), крики, ругань, смех и пение (канун Нового года!) и надо

всем царил, перекрывая все, многоэтажная матерщина (в основном, изрыгаемая женскими головами).

Найдя местечко у ног кого-то из спящих, я присела и под навалившимся грузом усталости и чувства нестерпимой обиды от дикой несправедливости, я разрыдалась...

Наутро меня перевели в карантинный барак, а через несколько дней всех женщин со специальным образованием поместили в барак для ИТР (инженерно-технических работников) – довольно опрятное и просторное, длинное помещение, вдоль стен – одноэтажные нары. У входа стояла маленькая железная печурка, согревавшая, в основном, дневальную уголовницу-рецидивистку с последним 10-летним сроком. Относилась она к нам, «политическим», с высокомерным презрением и будила нас по утрам мощным, низким, пропитым голосом: «Вставайте, позорные рожи!»

Некоторое время нас отправляли на общие работы – рубка караганника, чистка территории и т.д. На снегозадержании я заболела. Работа эта легкая и даже приятная, но, находясь целый день в поле и выгребая острой лопатой плиты из сверкающего разноцветными искрами снега, под ослепительным солнцем, я заболела острым конъюнктивитом. Долгое время меня лечили и на глазах была черная повязка.

(Начало смотрите в журнале «Русский клуб», N 2-4. Окончание следует)

Парк Ильи

ДЕЖАВЮ

■ **Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ**

Современная западная цивилизация под «качеством жизни» понимает наличие свежего воздуха, здоровой среды, хорошего образования и достойной зарплаты. Именно в такой последовательности. У нас пока не так. Но времена меняются.

Возрождение садов – один из первых экологических проектов современного Тбилиси.

Совершенно очевидно, что идея проекта возникла из-за отсутствия чистого воздуха в Тбилиси. Мы как-то уже привыкли не видеть ничего, кроме бетона и машин. И это стало новой нормой для большинства горожан. Сады перестали быть необходимой частью нашей жизни.

К счастью, есть такие люди, как архитектор Гия Абуладзе, руководитель бюро «Студия 21», соучредитель компании АРСИ и его команда, которые пытаются активировать нашу память. Сна-

чала они за четыре месяца подготовили проект «Новый Тифлис» и выиграли тендер «Фонда развития».

«Неудобно говорить, что выиграли, – рассказывает руководитель проекта. – Никто, кроме нас, не принял участие в тендере. Посчитали, что за такой короткий срок выполнить проект невозможно. Оказалось – возможно!». Более того, в одном пакете с проектом восстановления 47 старинных домов был предложен проект воссоздания «немецких садов».

Мы знаем, какую волну ностальгического восторга вызвала реализация архитектурной части проекта и создание пешеходной зоны проспекта Агмашенебели. Я уже не говорю о том, что цены на квартиры в восстановленных домах возросли в несколько раз! Город вдруг вспомнил, что когда-то он имел стиль, лоск и особую

стать. Город сделал глоток свежего воздуха! Но чтобы дышать дальше, остается воссоздать сады.

Вернемся в прошлое, в начало XIX века. Российская империя уделяла серьезное внимание переселению немецких колонистов на земли Закавказья. Александр I выделил крупную сумму на их обустройство. Идеальным вдохновителем поселения немцев именно в Грузии был генерал А.П. Ермолов. В Тифлисе на левом берегу Куры трудолюбивые швабы основали колонию «Александрдорф» и внесли большой вклад в благоустройство этой части города. «Немецкие сады» к концу XIX века занимали площадь в 100 гектаров. Один из садов по заказу Иоганна Майера был разбит по проекту известного архитектора Леопольда Бильфельда. Этот парк (ныне парк Ильи) в советское время носил имя А.М. Горь-

кого. Немцы привезли в Тифлис западную цивилизацию и привили ее на национальное древо. По воспоминаниям очевидцев, гостеприимный и доброжелательный город «через несколько лет стал получать из первых рук овощи, хорошую живность, молоко, масло, кроме того, картофель и сдобный белый хлеб, о которых, до прибытия их, за Кавказом знали по одному преданию». По утрам молодые румяные немки разносили в дома горожан свежеспеченный сдобный хлеб и сливки. Потом появились немецкие мануфактуры, школы, кирха, позже – костел. Две культуры – грузинская и немецкая – более века обогащали друг друга. Пока в одночасье в начале Второй мировой войны немцев не выселили в Среднюю Азию.

Сады без садовников еще долго цвели и были местом культурного паломничества горожан. Наверняка в каждой семье бывали разговоры о том, как дедушка ухаживал за бабушкой, как они ходили в сад Арто на концерты, в сад Горького в летний кинотеатр, в сад Муштаид на проме-

над под духовой оркестр. И вот уже вспомнилось собственное детство. Яркий летний день под шатром платанов на проспекте Плеханова. И себя за руку с бабушкой, бегущими на кукольный спектакль в ТЮЗ с обязательным посещением сада Арто. И выставку собак в Муштаиде. Помню красивую женщину председателя жюри и огромного красавца Дика – немецкую овчарку – победителя всех собачьих выставок.

Чем яснее вспоминаешь, тем труднее воспринимать реальность. Сады вытоптаны: трава не растет, цветы не цветут. Большая часть территории за последние двадцать лет занята незаконными постройками. И лишь огромные старинные кипарисы, гималайские кедры, редкие виды сосен и старинные липы напоминают о прошлой цивилизации. Удивительно, что они уцелели и не были срублены на растопку печей в холодные и темные 90-е годы.

На старинной карте середины XIX века струной натянут Михайловский проспект вдоль Куры, а выше и ниже него сплошные изумрудные поля.

Спустя век, на карте 1924 года, проспект начинается парком Муштаид, а вдоль него четыре огромных общественных парка с одной стороны и парк Михайловской больницы – с другой.

И вот, наконец, XXI век и новый проект! Площадь парка, по

сравнению с существующей сегодня, удваивается. На широкую зеленую нить экологической тропы, протянутую от замка герцога Ольденбургского до нового вертикального сада, как бусины, нанизаны четыре парка. Динамичный клип наглядно показывает, как парк Ильи зарастает деревьями. Как открываются новые пространства и рушится стена. Корты крытые и открытые становятся частью зеленой зоны. Экологическая тропа пересекает улицу Марджанишвили и вливается в спортивное пространство с существующими крытым бассейном и спортивным залом. Окружает их территорией новых посадок и разрушает следующие стены, отделяющие сад Арто. Там сад обогащается новыми территориями, очищаясь от незаконных построек. Зеленая тропа выливается из одной старинной арки, пересекает улицы и вливается в не менее старинную арку, рушит очередную стену сада филармонии и разливается в зеленое море сада Джансуга Кахидзе.

Клип клипом, но я прошла по всем предполагаемым паркам. Уперлась во все пока существующие стены. Обошла все ветхие строения. Поразила не только тому, что все абсолютно реально – надо только убрать все лишнее, но и удивительному перспективному видению пространства соавторов проекта. Их умению

взлететь над реальностью. Они исследовали повседневность, рутину и обыденность этого места. Поразились, как давно никого не интересовало качество жизни людей. Заручились их согласием переселиться в новые дома.

Сегодня «Фонд развития» изучает практические возможности переселения людей. Пере-направляет финансовые потоки. Потом начнутся работы по подготовке территории и фиксации границ садов.

Земли исторических немецких садов экологически чистые. Они были в запустении, но никогда не были загрязнены промышленными предприятиями, выхлопными газами, цементом, уплотнены тяжелыми постройками. Они не потребуют масштабной рекультивации или полной замены грунта. Как это потребовалось в парке храма Самеба, где для организации розария пришлось снять полутораметровый слой грунта, загрязненного строительным мусором и заменить на качественный. Под садами практически нет городских коммуникаций. Уникальная ситуация для центра города!

Есть и другой очень важный момент. Все чаще общественные пространства бывают связаны с трагическими событиями или вызывают неприятные ассоциации у населения. Задачей ландшафтных дизайнеров бывает регенерация этих пространств. Но не в нашем случае! Немецкие сады

исторически были артистической зоной, впоследствии, к сожалению, полностью утраченной.

Авторы проекта мечтают вернуть на эти территории культуру. Артистический дух, музыку, инсталляции, вернисажи, кино, перформансы. Полагаю, что для современного Тбилиси – это вполне реально и органично. И уже происходит на восстановленных территориях.

Но озеленение?! К примеру, общественные парки Лондона в середине марта уже расцвели благоухающими полями нарциссов! Вы видите что-нибудь подобное в нашем городе? Нет! Культура садов и садовников, увы, утеряна полностью! А ведь сто лет назад на улице, примыкающей сверху к садам, существовала Тбилисская школа садоводства, основанная знаменитым Ильей Цинамдзгвришвили, готовившая садовников международного уровня, в том числе и для немецких садов. В садах проходили регулярные выставки цветов, так любимые тбилисской знатью. Именно на этих выставках впервые засверкал талант блестящего декоратора Михаила Мамулашвили – выпускника школы.

Сто лет, что нас не было в отрасли, она развивалась. Сегодня ландшафтные дизайнеры вышли в мире на особенные позиции. Перенаселенность и агрессивность городов требует от садовых и парковых архитекторов градо-

строительных масштабов. У них миссия сделать жизнь городов более сбалансированной, создать согласие горожан с собой и с природой. Привнести в жизнь красоту. Такая работа требует высочайшего профессионализма

Сад – это всегда зеркало культуры. Это четко сформулированная идея, определенные принципы взаимодействия красок, форм и структур. Правильное сочетание хвойных и лиственных композиций с определенным цветом ковра под тенистыми растениями. Согласованность между собой элементов построек, имеющихся зданий, фонтанов, скульптуры.

Мне кажется, было бы правильнее, если бы садами занялись немецкие ландшафтные дизайнеры, известные своими международными проектами. Например, партнеры АРСИ компания «Глазер и Дагенбах» с двадцатилетним стажем создания садов. Случилось бы дежавю – немецкая культура, спустя двести лет вновь была бы привита на национальное грузинское древо! Однажды оно уже дало прекрасные плоды.

Схиигуменья Серафима (Дьяченко) (в центре) во дворе храма Александра Невского

СЛОВО О СТАРИЦЕ

■ **АРХИМАНДРИТ АДАМ (ВАХТАНГ АХАЛАДЗЕ)**

В июле 2006 года монастырское кладбище женской обители Самтавро приняло в свое лоно матушку с удивительной судьбой. Она родилась далеко от Грузии, но большую часть жизни провела здесь, на святой Иверской земле, здесь постриглась в монашество, здесь же дал Господь ей тяжелый крест схимничества, игуменства и старчества.

Через два-три года я приступил к написанию книги о ней, понимая, что книгу и после окончания нельзя будет считать попыткой даже частичного жизнеописания великой старицы схиигуменнии Серафимы (Дьяченко). И вот почему.

Во-первых, мы не располагаем всеми документальными данными (даты, числа, координаты, расстояния, цифры, географические названия, маршруты странничеств и скитаний, нотариальные свидетельства и архивные материалы) об этом удивительном, великом человеке. Она ведь тщательно скрывала все, не было от нее благословления на записи (ни видео, ни аудио, ни простые) своих удивительных бесед и рас-

сказов. А мы никогда ничего не переспрашивали, не уточняли. Только слушали и по возможности жадно внимали каждому слову, точно так, как сама учила нас, ибо боялись перебить тот небесный поток благодати, что лился из материнских уст и сердца для нашего спасения. Кто? Что? Где? Когда? Почему? Зачем? Эти слова, выражающие отчасти любознательность и пытливость, уступали место сердечному восприятию каждого произнесенного ею слова.

Во-вторых, матушка не считала свою жизнь отдельной от жизни тех старцев, с которыми вместе прошла свою долгую нелегкую жизнь, жизнь, которая явилась великой духовной борьбой за веру православную и спасение ближних, подвижничеством и деланием добра ради Христа даже тогда, когда ей приходилось преодолевать самые тяжелые испытания.

«Иди на Голгофу!» – вот такое старческое напутствие получила еще совсем молодая Мария Дьяченко от отца Федора и всегда, когда сама изнемогала под тяже-

стью креста, эти слова придавали ей силу идти дальше.

В архиве нашелся один недатированный машинописный листочек, на котором изложена краткая автобиография матушки Серафимы. Писана она на имя владыки Зиновия (схимитрополита Серафимы Мажуги) в начале 80-х.

«Настоятелю храма святого благоверного князя Александра Невского (г. Тбилиси) митрополиту тетрицкаройскому владыке Зиновию

Я, Дьяченко Мария Васильевна, род. 1925 г., 11 июля, с юных лет своими родителями была вручена старице, которая учила пению, чтению о Господе. В 1950 году была вручена старцу схиархимандриту Серафиму Глинской Пустыни, где по благословию была направлена в Красногорский монастырь г. Золотоноша. Постриг иночества принимала при Игуменнии Филадельфе. Послушание – хор и общее. После смерти игуменнии Филадельфы при игуменнии Лидии несла по-

Великая старица схиигуменья Серафима

слушание келейницы игумении. Постигла меня болезнь и была направлена в Сухуми к старцу схиархимандриту Серафиму (Романцову). После выздоровления по благословению старца Серафима и игумении Лидии была направлена в г. Тбилиси к митрополиту Зиновию в храм Александра Невского псаломщиком.

По благословению митрополита Зиновия и схиархимандрита Андроника (Лукаш) приняла монашество с именем Марии (в честь преподобной Марии Египетской, день ангела 14 апреля ст. ст.) 1 апреля 1965 г. и была вручена духовной матери игумении Лидии.

В 1971 г. по благословению митрополита Зиновия и схиархимандрита Андроника приняла Великий Ангельский Сан – Схиму с именем Серафимы (в честь преподобного Серафима Саровского, день ангела – 2 января стар. ст.) на Успение Божией Матери. В 1979 г. 20 октября награждена митрополитом Зиновием правом ношения Креста с украшениями. С 1961 г. по 1980 г. исполняла послушание при храме Александра Невского в качестве псаломщика.

Остальные годы по послушанию ухаживаю за больным схиархимандритом Виталием (Сидоренко) после тяжелой операции».

Всего в двенадцати предложениях, двадцати двух строках машинописного текста изложена почти вся жизнь матушки Серафимы, а то, что читается и вмещается между строками, может потребовать написания немаленькой книги... Ведь матушка была послушницей Владыки Зиновия, духовным чадом схиархимандритов Серафима Романцова и Андроника Лукаша, сокейницей и сотайницей отца Виталия Сидоренко. В ее духовное совершенствование свою лепту внесли преподобный Кукша Одесский, протоиерей Федор Таганрогский, игумен Павел Полтавский, схимонахия Михаила, отцы Глинской Пустыни, матушки Красногорского монастыря, Таганрогские схимники и юродивые... Матушка паломничала. Лично была знакома, исповедовалась и получила благословения от многих великих подвижников благочестия XX века.

Что только не перенесла она в жизни: сиротство, смерть близких, тяжелейшие болезни, предательство, ужасы коллективизации, Голодомора, Второй мировой войны, немецкой оккупации, освобождения родного края после входа советских войск, преследования с целью вербовки службами госбезопасности и всесоюзного розыска властями, как «народницы»... Вот почему так были похожи несравненные, живые рассказы матушки Серафимы на открытую книгу, озаренную Божественной благодатью, которую великая старица читала каждому ищущему путь к Богу.

Свидетельница многих чудес, она часто говорила: «Верьте! Верьте! Это все правда, единственная правда!» А каждого пришедшего матушка так щедро одаривала иконами, разными святыньками, свечами, сладостями, фруктами, конфетами, что люди стояли ошеломленные, не скрывая удивления, чем они заслужили такую милость. Особенно радовалась матушка монаше-

ствующим. Весть же об открытии монастыря или скита наполняло ее сердце неземной радостью.

Ежедневные благословения, каждый вопрос, высказанная мысль или рассказ – у матушки все служило нашему укреплению в вере, преодолению греховных наклонностей, принятию правильных решений. Бывало, мы просили, чтоб она благословила на новую работу или начало нового дела, а она даже не слушала. Мы упрямо напоминали, повторяли просьбу, не понимая, что молчание значило отказ, пока новые обстоятельства не меняли

Матушка Серафима

полностью ситуацию, и мы даже забывали о наших желаниях, зато понимали, от чего спасла нас матушка... Или вдруг она спрашивала у кого-то, как младенец себя чувствует. Мы ничего не понимали, о каком младенце спрашивала; думали, перепутала, неловко переглядывались. А вскоре эту семью посещала радость – ждут ребенка... Скажет, помолитесь святителю Николаю и с миром полетите. Мы в ответ – ведь куда не собираемся. А через пару дней в самолете чувствуем, что в надежных руках: ведь там, в своей келье матушка Серафима вымалывает нас!

Точно также и сейчас посещают сердца проходящих на могилку схиигумении Серафимы во Мцхетской женской обители мир и надежда».

ПОРТРЕТ СХИИГУМЕНИИ В ШИНДИССКОЙ ОБИТЕЛИ

Моросит. В окне ветла – вся в тумане белом...
Мать-игуменья с утра белит стены мелом.

Вся, как светлая елань – путникам награда;
Как крестовая герань в самом сердце сада.

Треба радостью была, благодатью – схи́ма.
С восхищеньем приняла имя – Серафима.

А лампада все горит, все не гаснут свечи –
Так она благодарит теплый край за встречу.

Сам Господь о ней радел – Им была ведома.
Богородицы удел стал ей Отчим домом.

Рядом с клиросом – хоругвь: Ангел ею вышит.
Мастерство? Уменье рук? – Откровенье свыше.

Как чужда тебе была суета мирская...
В кротком взгляде глубина – тихая, морская.

До сих пор твоих псалмов живы отголоски.
Нежно вторят им без слов ангельские тезки.

Навсегда тебе дано быть Давидовой струной,
Быть из тысячи одной – вечностью хранимой –
Нашей Серафимой.

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
(перевод Паолы Урушадзе)

ДЖОВАННИ ВЕПХВАДЗЕ – ХУДОЖНИК, ПОЛИГЛОТ, ПИСАТЕЛЬ

■ **Генриетта ЮСТИНСКАЯ**

Известного грузинского художника Джованни Вепхвадзе как-то спросили о том, как он понимает значение слова художник – это состояние души или это сгусток эмоций. Вепхвадзе ответил: «Это диагноз. Заболевший любовью к искусству обречен болеть до конца дней своих». Этот диагноз – страстная любовь к изобразительному искусству оставалась у него до конца жизни. Однако проявилась эта страсть лишь после окончания школы. С тех пор творчество стало для него такой же необходимостью, как воздух для жизни.

Внук Народного художника СССР, лауреата Сталинской премии Ване Вепхвадзе и сын Алекси Вепхвадзе, заслуженного художника Грузии, лауреата Государственной премии, Джованни рос в артистической среде, наблюдая с малолетства за творческим процессом художников, слушая критику или похвалу той или другой картины, он подспудно был подготовлен к восприятию искусства. Подготовка к вступительным экзаменам в Тбилисскую Академию худо-

жеств была быстрой и успешной. Он поступил. Средняя школа не оставила заметного следа в его жизни, кроме горечи и неприя-

зни. Учеба в Академии воодушевляла, с каждым новым семейством он все больше осваивал рисунок и цвет, много времени уделял вопросам композиции. В дальнейшем он пришел к выводу, что в живописи каноны «золотого сечения» не всегда правильны, что картины с нарушенными канонами могут дать положительный результат. Он придерживался этого вывода и в своей дальнейшей творческой работе после окончания учебы.

Во второй половине XX века в Советском Союзе был отмечен подъем монументального искусства – создавалось много мозаик, витражей, монументальных росписей. Джованни предполагал создать свою дипломную работу в виде большого триптиха – три больших полотна на тему «Химия». Однако, по причине смерти руководителя дипломной работы ректора Тбилисской Академии художеств профессо-

ра Аполлона Кутателадзе, пришлось отказаться от триптиха, менять тему. Дипломная работа Джованни теперь представляла собой одно большое полотно, посвященное выдающемуся грузинскому мастеру металлопластики, автору знаменитого чеканного серебряного оклада Анчисхатской иконы божьей матери, мастеру XII века Беке Опизари. Рядом с мастером он изобразил двух подмастерьев, одним из которых художник представил себя. Эта работа экспонировалась на Всесоюзной выставке дипломных работ художественных вузов. В дни празднования 200-летия Российской Академии художеств, наряду с дипломными работами таких знаменитых художников, как И. Репин, В. Суриков, Джованни увидел свою дипломную работу. Считалось, что в советских художественных вузах продолжились традиции Петербургской Академии художеств.

Джованни Вепхвадзе принимал участие почти во всех всесоюзных выставках, в тематических, групповых, выставках грузинского искусства в Грузии и за границей. Многие его картины оставались там, где были представлены к экспозиции – в музеях, либо в частных коллекциях.

На свой электронный адрес он неоднократно получал письма от людей разных профессий, писали музейные работники, деятели культуры, искусствоведы. Вот строки из одного письма (автор О. Лопатин): «Ваши работы мне знакомы со студенческой скамьи, на последнем курсе Академии художеств в Петербурге Вам была посвящена лекция и Ваше творчество было включено в экзаменационные билеты по советскому искусству. Я очень люблю Ваши работы, особенно те, которые связаны с темой интеллектуального труда. Никому другому в советское время, на мой взгляд, не удавалось воплотить эту тему так гибко и красиво. Эти картины на все времена. Что касается произведения «Синтез», на мой взгляд, это шедевр, в нее заложены смыслы и в раз-

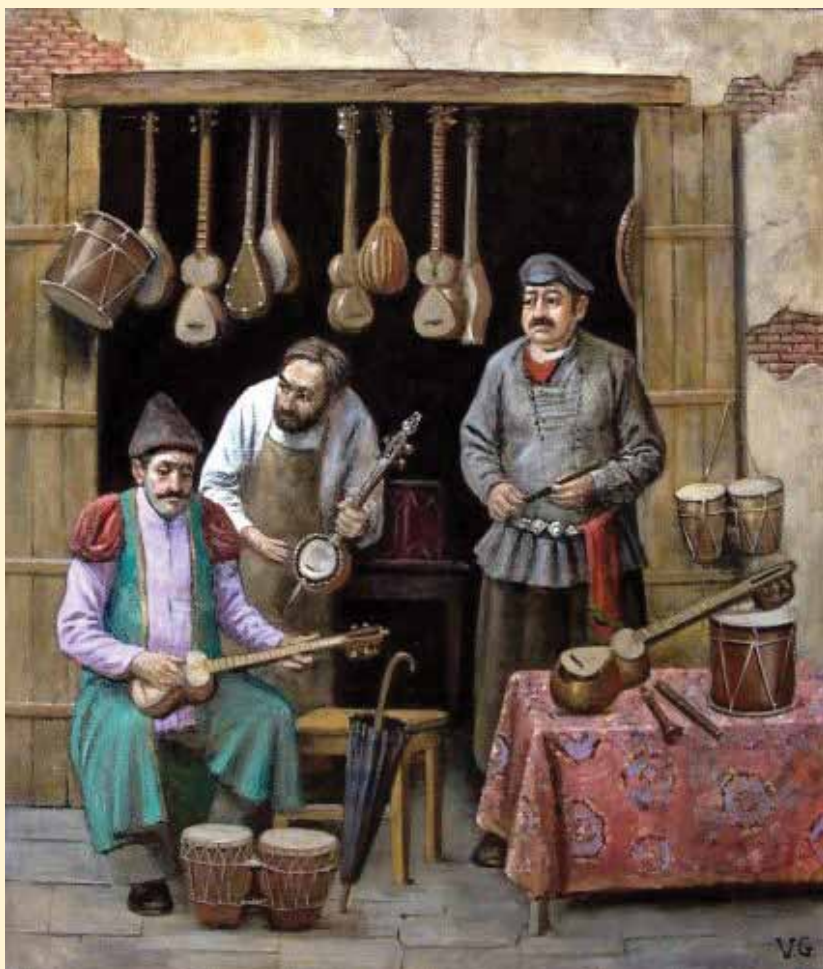
ные времена эта картина будет современна». Подобные отзывы он получал часто, и, конечно, мнение и оценка специалистов доставляли радость.

По окончании Тбилисской Академии художеств он продолжил учебу, учился в творческой мастерской профессора Учи Джапаридзе при Академии художеств СССР, которую окончил в 1977 году. Дипломная работа – «Реставрация храма Гелати». С 1973 года Джованни был уже сложившимся художником, он принимал участие почти во всех значительных выставках в Грузии, во всесоюзных, зарубежных и других. Вепхвадзе создавал картины реалистические, на высоком профессиональном и эстетическом уровне. Он не прибегал к хитрым уловкам, чтобы поразить особой фактурностью, он все доверял кисти, а кисть была послушна руке мастера и творила великолепные произведения. Атлас, металл, кожа были лишь средством передать мысль авто-

ра, а не самоцелью. На первый взгляд кажется, что композиция натюрморта «Старый альбом» проста, но при такой лаконичности художник создает особое настроение – ауру поминания жертв трагедии геноцида армян в 1915 году. Это круглый небольшой стол с раскрытым старым альбомом, где на двух фотографиях начала прошлого века изображены сидящие пожилые люди – прабабушка и прадедушка. Есть что-то трогательное в этих лежащих на столе предметах: бусы, свисающие из пиалы, старинная кружевная лента, которую не успели сложить в сундучок, положенные здесь предметы дополняют друг друга, они часть той эпохи, чьей-то оборванной жизни, они поясняют смысл, раскрывают сюжет.

Натюрморты Вепхвадзе всегда красивы, здесь и мастерство в передаче материала, и скомпонованность предметов, причем предметов художественных, старинных, раритетных.

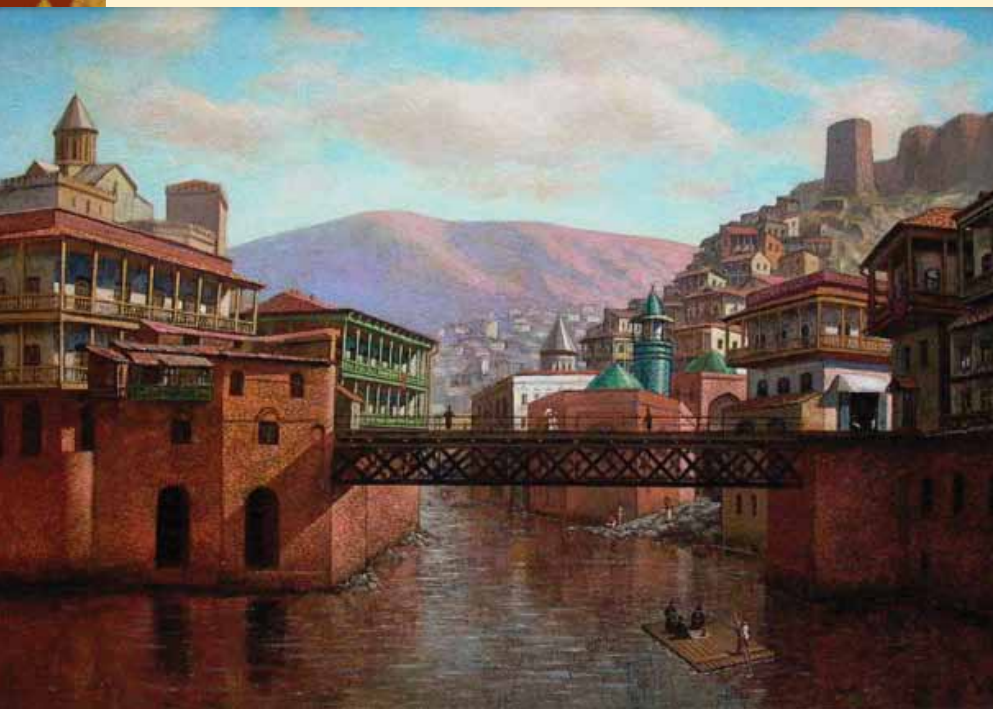
«Лавка музыкальных инструментов в Тифлисе»

«Натюрморт с валторной»

Он часто посещал блошные рынки, которыми изобиловал в 90-е годы Тбилиси, находил что-то на Сухом мосту, в антикварных лавках. Собирал старинные музыкальные инструменты, европейские и азиатские. Это был материал для натюрмортов с мандолинами, лютнями, банджо, гитарами и др. Джованни создал целую серию натюрмортов, которые он назвал «итальянскими». Здесь предметы завораживают своей исторической и эстетической ценностью. Есть у Вепхвадзе «польские» с характерным фразе, «китайские», «баварские». В натюрморты со старинными предметами художник часто добавлял какой-то новый, сегодняшний предмет, чтобы связать с настоящим временем. Когда речь идет о натюрмортах с восточными музыкальными инструментами, то сама их конфигурация с сильно удлиненным грифом подсказывает другое композиционное решение. Он часто изображает тар, кеманчу или другие инструменты висащими на стене, а иногда помещенная среди них репродукция той или иной картины является составной частью задуманного художником композиционного целого. На этих «репродукциях» он изображал жанровые сцены с играющими музыкантами.

Джованни рассказывал, как долго и безуспешно искал скрип-

«Авлабарский или Ишачий мост»

ку – никто не хотел продать инструмент не музыканту и с каким большим трудом «добыл» он наконец... детскую. Но натюрморты со скрипкой (увеличенной до нормального размера) не оставляют зрителя равнодушным. Натюрморты со скрипкой представляют большую серию работ – здесь он изображал смычок, раскрытые рядом ноты, книги и опять «репродукция», как составная часть целого. Ткани жаккардовые, атласные, льняные разного цвета, тональности и фактуры часто умело и органично вкомпонованы в композицию.

Находясь в Италии, Вепхвадзе создал серию натюрмортов. «Мой Неаполь», где на столе стоит бутылка кьянти, лежат карты, яркие, необычные, разложены музыкальные инструменты, рядом карнавальная маска, а на стене висит картина с видом Неаполя. В этой же серии «Флоренция», где разложены атрибуты, принадлежащие художнику – раскрытый этюдник, палитра, краски, пустая рама на стене и картина с изображением Флоренции.

Портретов Джованни создал немного, однако ряд портретов вызывает интерес. Большая

их часть создана им в начале творческого пути. «Портрет бабушки» в серебристой гамме и «Роковая женщина» написаны мастерски. «Жермена», «Дама с чернубуркой», «Портрет Доменики в детстве», «Автопортрет в красной феске» и много других работ могли бы достойно украсить любую коллекцию. В женских портретах, особенно в «Роковой женщине», он передал внутренний мир человека и его психологическую сущность.

Любовь к родному городу была в нем слишком сильна. Основная тема его работ – Тбилиси и прежде всего «Старый Тифлис». В ранней молодости, будучи в туристической поездке по Италии, уже зная итальянский язык, он планировал остаться. У него была договоренность, и Эрминия, которая должна была помочь, ждала его. Она постаралась создать условия для этого. Джованни собрал вещи, но в последнюю секунду повернулся, догнал группу и поехал в аэропорт. Он не смог оставить свой родной Тбилиси.

В грядущие годы Джованни много раз бывал в Италии и по приглашению, и в командировках, но никогда не пытался остаться.

Пейзажи, особенно старый Тифлис, владели его помыслами. Джованни до конца жизни оставался верен этой теме. Он создал более двух сотен картин, посвященных родному городу.

Он писал пейзажи в любое время года, в любое время суток: и в дождь, и в солнце. Писал одно и то же место или строение с разных ракурсов. Писал с любовью, получая удовольствие.

Вепхвадзе старался запечатлеть то, что осталось, что он видел, а когда каких-то строений уже не существовало, искал старые фотографии в архивах, в частных коллекциях и переносил на полотно. Уже более 60-ти лет не существует Голубой мечети и ее голубого минарета, так же, как и узкого моста «Вирис хиди» (Ишачий мост), но Джованни изобразил их на полотне «Авлабарский мост». В небольшой, до одного метра картине, красочно воссозданы уже не существующие строения. Прежде всего привлекает цветовая гамма, она насыщена, розово-лиловатый воздух окутывает исторические строения. Слева пространство картины замыкает скала с храмом Метехи XIII века, с пристроенным к нему тюремным комплексом, а в правой части картины видна часть крепости Нарикала с взбирающимися по горе домишками. Слева и справа под мостом дома, фундаменты которых были заложены в русле Куры в сезон обмеления, а в остальное время года эти дома, которых также уже нет, стояли в воде. Вепхвадзе изобразил плот на реке с сидящими карачохели, с расстеленной скатертью, с кувшином вина на этой скатерти. Все мелкие детали, фигурки людей, детали строений и сами архитектурные памятники прописаны тщательно, с любовью. Голубая мечеть и голубой минарет композиционно связаны цветом с голубыми ажурными балконами. Красная охра, переходящая в розовые и сиреневые оттенки создает колорит привлекательный и умиротворяющий.

В подобной гамме создана другая композиция «Майдан

– Тифлис». Картина изображает площадь с людьми, стоящими небольшими группами. Это целый рассказ из обыденной жизни Тифлиса конца XIX или начала XX века. Вот слева тулухчи – водонос с кувшинами, наполненными водой, неподалеку расположились верблюды, отдыхающие от долгого пути, в глубине стоит пролетка, ожидающая клиента, справа – крытая паласом телега, запряженная волами с грузной фигурой возницы, чуть поодаль стоит городской перед торговцем, держащим за узду навьюченную ослицу. Все происходит на историческом месте – слева Голубая баня со стрельчатой полуаркой входа, площадь окружают дома с ажурными балконами, сзади крепость Нарикала. Красные оттенки охры, переходящие через полосы холодного розового краплака в синие тени создают цветовую динамику. И что важно – изумрудное пятно балкона является той завершающей доминантой композиции, собирающей все в единое целое, о чем не раз говорил Джованни в своих заметках о композиции, о «зо-

«Польский натюрморт»

лотом сечении».

Кто сегодня помнит, что раньше ходили от дома к дому музыканты, были бродячий цирк и кукольный театр. Это изобразил Джованни Вепхвадзе на своем полотне «Кукольный театр». Сам театр – это балконы, опоясывающие замкнутое пространство двора, т.е. открытые галереи трехэтажного дома, они заполнены зрителями-жильцами, а во дворе растянута ширма, перед ней толпа детей, а за ширмой кукольник с поднятыми руками. На руках перчатки-куклы. Документальность в картине сочетается с художественной выразительностью произведения.

Ряд картин посвящен тбилиским ремесленникам. Особенно привлекает внимание работа, где на фоне черного проема мастерской представлен целый каскад восточных музыкальных инструментов – всевозможные дайры, тары, кеманчи, бубны, трубы, барабаны, диплипито – двойные барабаны и др. Мастера и покупатель облачены в соответствующую тому времени одежду. Картина носит жанровый характер. Покупатель вы-

бирает инструмент, а мастера подобострастно стараются угодить, предлагая инструменты. Фигуры прорисованы досконально, в деталях.

К этой серии относится картина «Жестянщик». Здесь, кроме всевозможных металлических изделий, привлекающих внимание своей формой и цветом, фигура сидящего ремесленника, помимо достоверности, точности рисунка, отличается живописностью.

Грустью веет от картины «Старый Тбилиси» с одинокой фигурой в черном, стоящей у стены старого дома. Вокруг положены подрамники, приставлена к стене картина. Печальная фигура мужчины в черном напоминает Пиросмани. Золотистый теплый фон старого тбилисского дома подчеркивает холодную грусть одинокого художника.

Джованни изображал и веселые сцены из жизни города. Это картины – «Кееноба в Тифлисе», «Веселый Тифлис», «Перенесение приданого», «Тифлисский мотив» и др.

«Веселый Тифлис» и «Перенесение приданого» – это вертикально поднимающиеся вверх крутые улицы, заполненные людьми. В первом случае нарядно одетые люди готовятся к празднику, к какому-то торжеству, а в картине «Перенесение приданого» толпа людей спускается по крутой улице вниз, неся на головах свертки, корзины, тюки. Толпа яркая, играет полным спектром красок. Это тоже достопримечательность Тифлиса, страница из истории города.

Вепхвадзе тщательно прописывал детали архитектуры, одежды, предметы. В его картинах присутствуют люди, они не только для пропорции или масштаба. Художник создает миниатюрные композиции, где люди чем-то заняты – конюх, кучер, водонос, торговец, погонщик овец, жестянщик и т.д. В его пейзажах всегда есть мастерство и законченность, по существу – это классические картины, вне времени.

Две картины Вепхвадзе нахо-

«Перенос приданого»

дятся в собрании Третьяковской галереи. Многие его работы хранятся в частных коллекциях почти во всех странах Европы, много картин также в США.

Существует большое количество копий с его картин, их продают как сувениры на улице, на «Сухом мосту». Когда Джованни говорили об этом, он отмахивался, говоря, что уровень копий никогда не будет идентичен оригиналу.

Быть художником сложно, нет уверенности в завтрашнем дне, в гарантированных заказах. Джованни понимал, что помимо своей основной профессии необходимо зарабатывать в других областях. Для него другим способом было знание языков. Он владел итальянским, также неаполитанским диалектом, испанским, французским, английским, португальским. Помимо переводческой практики, преподавал итальянский язык для вокалистов в Тбилисском музыкальном училище и в католическом колледже. Работал в «Гороформле-

нии», в студии военных художников и преподавал технологию живописи в Тбилисском художественном училище им. Я. Николадзе.

Он работал на киностудии, в Доме кино, затем в кинотеатре «Газапули», где проходили кинофестивали, синхронно переводил итальянские фильмы. В его кабине переводчика побывал Марчелло Мастоляни с разъяснением и советами по поводу фильма, в котором он участвовал. Таким же образом Джованни познакомился и побеседовал с Тонино Гуэрра, выдающимся сценаристом и поэтом, по сценариям которого создавал свои фильмы великий Федерико Феллини.

Фильм Пазолини «Царь Эдип» смотрели тысячи зрителей. Показы таких фильмов проходили в Тбилиси только в одном кинотеатре.

Он проработал несколько лет синхронным переводчиком итальянских фильмов, перевел около 70 фильмов. В Италии в 1993 году на кинофестивале грузинских фильмов перевел на итальянский язык 10 грузинских фильмов.

После развала Советского Союза Джованни приглашали переводчиком в разные коммерческие фирмы по грузино-итальянскому сотрудничеству. Благодаря этому он часто бывал в Италии. Он посетил многие города, ознакомился с великим искусством древнего Рима, произведениями эпохи Возрождения (Ренессанса), барокко. Но у него всегда оставалось время заниматься живописью. Писал пейзажи и на заказ портреты. Фирма располагалась в Карраре, местности, где издревле добывали мрамор. Добывают его и теперь. Именно пейзажи Каррары привлекают внимание – белые мраморные горы с южной растительностью.

Работал он также с другой фирмой в Бусто-Аренцио по сотрудничеству в области сельского хозяйства, но фирма распалась, не внося существенного вклада в развитие производства в Грузии.

Джованни Вепхвадзе издал две книги рассказов: «Записки художника» 2007 г. (77 рассказов) и «Джованни рассказывает» 2013 г. (88 рассказов).

Это лаконично изложенные сюжеты, с юмором и искринкой доброжелательности, есть автобиографические зарисовки.

Автобиографию Джованни начал с прадедушки, Алекси Вепхвадзе, обедневшего дворянина, который, женившись на богатой невесте Марии Маисурадзе, дочери промышленника, значительно улучшил материальное положение. Имел нескольких детей, один из сыновей, Ваню, был дедушкой Джованни. Дедушка был женат на Елизавете Демуровой, мать которой Анна была дочерью осетинки и Мирзы Аббас хана – потомка Шаха Аббаса. Сын Ваню – Алекси был отцом Джованни Вепхвадзе. В семье Вепхвадзе долгое время хранился, как реликвия, персидский орден «Лев на солнце».

Рассказы, написанные Джованни, правильнее было бы назвать новеллами: «Картон от Сороса». В этом рассказе описана, казалось бы, недавняя

«Старый Тифлис»

история – «революция роз». Проходит акция, в которой должны были принять участие художники, чтобы «запечатлеть исторический поворот государства».

Идея принадлежит Джорджу Соросу – надо увековечить момент. Всем художникам раздали краски, кисти, по листу мебельного картона. Художников поставили вдоль деревянного забора, который отделял от пустыря, на его месте когда-то находилась гостиница «Интурист», в дальнейшем переоборудованная в Дом художника, сгоревшего в ходе тбилисской войны 1992 года. После пожара его разобрали по кирпичикам и продали. Художников поставили напротив того здания, откуда стреляли по Дому художников. В то время проходила манифестация на фоне Дома правительства. Люди шли с флагами и транспарантами. Обилие флагов белых с красными крестами не оживило картину, она получилась мрачной.

Ценная информация для истории грузинского искусства заключена в новелле «Голос». Джованни описал встречу с художницей-самоучкой, работы которой очень высоко ценятся, Гаянэ Хачатурян. Джованни отметил, что работы художницы произвели на него сильное впечатление. «Дилетанты редко пишут натуру, ее картины – плод ее воображения, ее фантазии. Я не мог не отметить психологической нагрузки ее композиций».

Друг Джованни стал просить ее спеть. Оказалось, что она поет в хоре армянской церкви. «Она пела какую-то религиозную песню на армянском языке, которая ассоциировалась с армянским ге-

ноцидом». «Сейчас, когда Гаянэ уже нет, когда ее картины так высоко ценятся, издаются каталоги ее выставок и альбомы с репродукциями ее работ, интересно, приходила ли кому-нибудь мысль записать на магнитную ленту ее пение?»

В одной из новелл подробно описана встреча с народным художником, профессором Учой Джапаридзе.

Рассказ о мемориальной доске архитектору Джованни Скудиери, автору Воронцовского моста, от которого на сегодняшний день остался лишь Сухой мост.

В книге много юмористических зарисовок.

Юмористические рассказы о деревенском способе найти жениха – «Сватовство позестафонски», «Дворник или поклонник Пиросмани» и много других интересных новелл.

К сожалению, книга издана на средства автора мизерным тиражом.

Джованни прожил не одну жизнь, а несколько – жизнь художника-живописца, известного, популярного, оставившего огромное творческое наследие.

Жизнь полиглота, владевшего шестью языками, особенно любившего итальянский язык и Италию.

Писатель, мастер коротких рассказов, он автор двух книг.

Он ушел из жизни 3 мая 2016 г. внезапно, даже не почувствовав перехода от бытия в небытие...

Светлая память Джованни Вепхвадзе.

Тенгиз Амирэджиби

■ **Гулбат ТОРАДЗЕ**

Необратим и неумолим бег времени. 30 сентября исполнится 90 лет со дня рождения выдающегося музыканта Тенгиза (Гизи) Амирэджиби (1927-2013).

Перечислим титулы и почетные звания маститого пианиста: Народный артист Грузии (1977), профессор, зав. кафедрой спец. фортепиано (с 1972 – до конца жизни), лауреат Государственной премии Грузии, а также 3-го Всемирного молодежного фестиваля (Берлин. 1951).

В годы учебы в Музыкальной десятилетке (окончил ее в 1945 г. под руководством проф. А.И. Тулашвили) он был бесспорным лидером всего нашего поколения, а впоследствии, после окончания Московской консерватории (1950 г.), под руководством К. Игумнова и Л. Оборина, одним из ведущих и авторитетных педагогов Тбилисской консерватории.

В классе проф. Амирэджиби учились известные современные пианисты, лауреаты международных конкурсов Манана Доджашвили, Элисо Болквадзе, Александр Корсантия, Марина Надирадзе, Тата Личели, Мзия

Джаджанидзе, Хатиа Буниатишвили и другие.

Искусство Амирэджиби-пианиста удивительно сочеталось с его артистической внешностью и благородством.

Могу с полной ответственностью подтвердить, что Гизи для меня, да и всех когда-либо слышавших его, был замечательнейшим исполнителем музыки любимого им Шопена. Отмечу также, что он был превосходным интерпретатором и грузинских произведений.

Ну, а теперь о музыкальном вечере, состоявшемся на днях в концертном зале Министерства культуры Грузии, с которого начинается цикл концертов, посвященных юбилейной дате Т. Амирэджиби. Это был действительно замечательный концерт, восхитивший всех присутствующих.

Организатором вечера являлась замечательный музыкант Виктория Чаплинская, устроившая подлинный праздник для всех нас, и для членов семьи Тенгиза Константиновича Амирэджиби.

В. Чаплинская – ведущий

концертмейстер Тбилисского государственного академического театра оперы и балета им. З. Палиашвили, прошедшая в Тбилисской консерватории великолепную школу фортепианной игры у проф. Т. Амирэджиби и концертмейстерского мастерства у проф. Т.Г. Дуненко.

За годы работы в оперном театре она подготовила целый ряд широко известных грузинских певцов.

Параллельно Чаплинская успешно ведет педагогическую работу в Тбилисской музыкальной десятилетке. Работая с такими звездами мировой оперной сцены как Анита Рачвелишвили, Паата Бурчуладзе, Георгий Гагидзе, щедро передает свой опыт молодому поколению. Она также принимала активное участие в открытии Батумского оперного театра в 1993 г и была отмечена правительственной наградой.

Расскажем о самом концерте в котором участвовали воспитанники концертмейстерского класса Чаплинской (пианисты и вокалисты).

Все они продемонстрирова-

К 90-ЛЕТИЮ ТЕНГИЗА АМИРЭДЖИБИ

Гома Гогия, Виктория и Галина Чаплинские, Котэ Америкджиби

Гулбат Торадзе и Виктория Чаплинская

С Ириной Шеразидишвили

ли отменный профессионализм и музыкальность. Приходится ограничиться лишь их перечислением – это стажеры оперного театра Георгий Годердзишвили (исполнивший «Ночной зефир» Даргомыжского и арию Базилио из «Севильского цирюльника» Россини), Ирма Бердзенишвили («Посвящение» Шумана и ария Джоконды из оперы Понкьелли), Иамзе Урумашвили (ария Лиу из оперы «Турандот» Пуччини), Диана Панджавидзе (баллада Недды из «Паяцев» Леонкавалло), Ирина Шеразидишвили («Грусть» Шопена).

Всем им отлично аккомпанировали ученики нашей славной Музыкальной десятилетки: Цотне Сидамонидзе (VIII кл.), Зука Цирекидзе (X кл.), Елена Шаверзашвили (XI кл.), а также истинные мастера своего дела – Нино Раминишвили, Ирина Рамишвили, Натия Кавтарадзе, Ната Апциаури и сама Виктория Чаплинская.

Не могу не отметить исполнение полузабытого, но потрясающего по своей драматической выразительности романса-монолога незабвенного Отара Васильевича Тактакишвили – «Мольба» (солистка – известная певица Елена Джанджалия).

Ученики десятилетки принимали также участие (как солисты и аккомпаниаторы) в исполнении инструментальных сочинений. Скрипачки Саломе Ломинадзе (X кл.) и пианист Вахтанг Заалишвили (XI кл.) сыграли сонату для

скрипки и фортепиано Вебера, а Тинатин Цикаришвили (фортепиано, XI кл.) и Тамар Купатадзе (фортепиано, XI кл.) сонату в четыре руки Пуленка.

Нельзя, конечно, не отметить участие в концерте таких известных музыкантов, как Торнике Гецадзе (виолончель) и пианистки Тамар Личели.

Таким исключительно содер-

жательным и высокопрофессиональным был этот музыкальный вечер, которым открывается серия концертов, посвященных приближающемуся 90-летию замечательного музыканта и незабываемой личности – Тенгиза Константиновича Амирэджиби.

Гия Чиракадзе

ПРОЩАЙ, ГИЯ, СПАСИБО ТЕБЕ!

Не стало светлого, талантливого человека, певца и конференсье, журналиста и телеведущего. На 80-м году жизни скончался Гия Чиракадзе. Официально он носил звание заслуженного артиста, но был воистину народным артистом. Это подтверждает и титул почетного гражданина Тбилиси. А еще он – лауреат Государственной премии Грузии и кавалер Ордена Чести.

Петь он начал еще в детстве – с бабушкой, на два голоса, затем играл в школьном духовом оркестре, пел и вел конференс в знаменитом оркестре Грузинского политехнического института, получил приглашение в ансамбль «Рэро», покрывший многие страны. И с тех пор отдал жизнь эстраде, став первым в истории Грузии шоуменом. Чиракадзе выступал вместе со многими звездными певцами, дружил с деятелями куль-

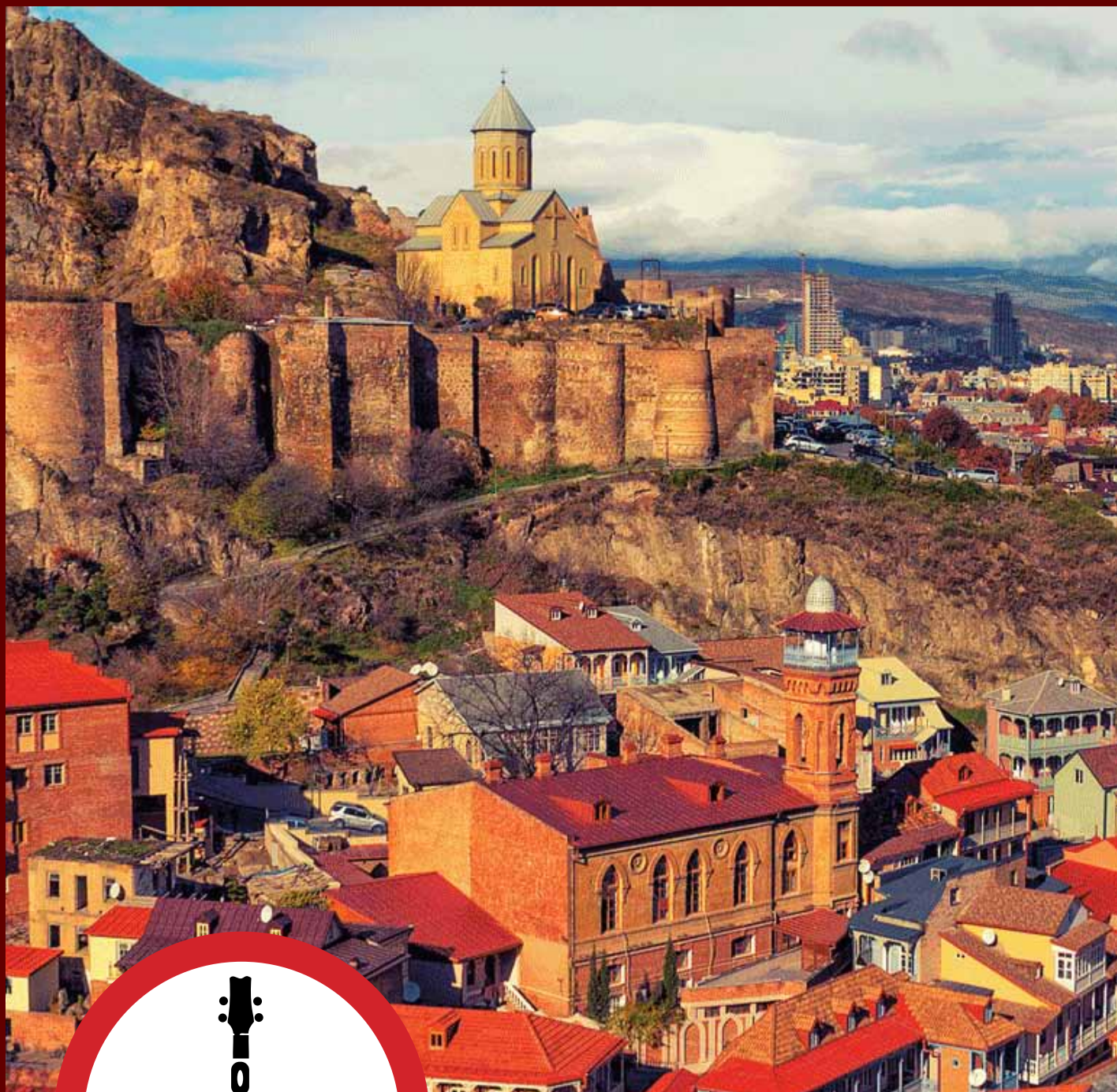

тры других стран, специально для него Арадий Арканов дописал последние строки к популярнейшей песне Алексея Фатьянова «Когда проходит молодость».

Он успешно снялся у великого кинорежиссера Отара Иоселиани в фильме «Апрель». «И когда Отар последний раз приезжал в Тбилиси с фильмом «Шантрапа», конечно, пригласил меня с женой на просмотр, – рассказывал Гия члену редколлегии нашего журнала Нине Шадури-Зардалишвили. – И мы сидели в одном ряду – молодые актеры, которые снимались в этом фильме Иоселиани, и я, который играл в его первом игровом фильме». Артистичный, искромётный Чиракадзе киноактером не стал, и кинематограф от этого, несомненно, проиграл. А вот эстрада лишь выиграла. Да и не только она, но и телевидение, где он проработал 18 лет.

С именем Чиракадзе связана еще и история таких популярных ансамблей, как «Диэло» и «Картули хмеби» («Грузинские голоса»), он пел в них десять лет. А примерно за год до его ухода перед Тбилисским концертным залом (бывшим Большим концертным залом Филармонии) открылась его именная звезда, и Гия дал в переполненном зале замечательный сольный концерт, представив ретроспективу своего творчества.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб», большим другом которого был Чиракадзе, и Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова глубоко скорбят об утрате и выражают глубочайшие соболезнования семье и близким Гии, внесшего огромный вклад в грузинское искусство.

საავტორო სიმღერის თბილისის
III საერთაშორისო ფესტივალი

III ТБИЛИССКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

ОТ ВЕКА СЕРЕБРЯНОГО
ДО ЦИФРОВОГО

6 - 10 МАЯ

К 870-летию Москвы

НОВИНСКИЙ БУЛЬВАР. ВИД НА ДОМ-МУЗЕЙ
Ф.И. ШАЛЯПИНА, НОВИНСКИЙ ПАССАЖ
И ВЫСОТКУ НА КУДРИНСКОЙ ПЛОЩАДИ.

ФОТО ОЛЬГИ СОХАШВИЛИ-НАЙКО